

И. М. Дьяконов

КУПЛЯ-ПРОДАЖА ЗЕМЛИ В ДРЕВНЕЙШЕМ ШУМЕРЕ И ВОПРОС О ШУМЕРСКОЙ ОБЩИНЕ

Очерк 1. Купля-продажа земли в Девурье в III тысячелетии до н. э.

Все исследователи согласны в том, что в Шумере — или, во всяком случае, в Лагаше времени Лугальанды и Урукагины — различались по крайней мере три категории земли: 1) земля *n'g-en-na*, или непосредственно храмовая и обслуживавшая нужды храма; 2) земля *kur*₆ («кормление»), раздававшаяся тем же лицам, которые работали на земле *n'g-en-na* (или начальникам группы таких людей), в виде мелких индивидуальных наделов; 3) земля *uru₄-lal*, или земля, раздававшаяся мелкими участками из доли урожая (или за натуральный налог, по другой трактовке).

Положение на землях всех этих трех категорий отражено в документах учета отдельных храмовых хозяйств Лагаша (дошли преимущественно документы храма богини Бау). Из этого факта большинство исследователей — А. Даймель, акад. А. И. Тюменев, автор настоящей статьи и др. — делают вывод, что это были три категории храмовой земли; если первая категория (*n'g-en-na*) непосредственно обслуживала нужды каждого отдельного храма, то вторая раздавалась членам персонала этого храма за службу, а третья — из доли урожая.

Большинство западноевропейских исследователей делают из этого вывод, что в с е хозяйства шумерских так называемых «городов-государств» сводилось к храмово-царскому хозяйству¹. Мы постараемся показать, что вывод этот не соответствует действительности, так как существовали общинные хозяйства помимо храмового.

Несколько иную позицию занимает акад. В. В. Струве. Он отождествляет все три упомянутые категории земли именно с общинными землями, которые занимали, по его мнению, всю территорию естественно орошаемых полей². Полемизуя с теми исследователями, которые ошибочно полагали, что (поскольку вся земля была храмовой) шумерские общинники вовсе не

¹ См., например, A. Deimel, *Šumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger*, «Analecta Orientalia», II, стр. 78: «...Вся хозяйственная жизнь (древнейшего Шумера.— И. Д.) была типичной храмовой экономикой». Н. Frankfort, *Kingship and the Gods*, Chicago, 1948, стр. 221, даже полагает, что храмовое хозяйство управлялось народным собранием; это неверно: храмовые архивы, кроме наиболее ранних, не содержат упоминаний ни народного собрания или совета, ни связанных с этими органами должностных лиц.

² «Поля естественно орошаемые были общинной собственностью, и лишь в пределах высоких полей могли складываться частновладельческие отношения» (Акад. В. В. Струве, *История древнего Востока*, М.—Л., 1941, стр. 69).

мли¹, акад. В. В. Струве исходит из того, что первая из вышеуказанных земельных категорий (n'g-en-na) была землей непосредственно ей, составлявшей как бы общий или запасный общинный фонд ски управлявшейся, однако, жреческой знатью через общинный что вторая и третья категории земли (kur₆ и ugu₄-lal) представляющей индивидуальные наделы общинников².

У бота акад. В. В. Струве не видно, допускает ли он существование их-либо общинников, кроме работавших на земле n'g-en-na, и их-либо земель общинников, кроме входящих в указанные три и; однако, повидимому, на этот вопрос следует ответить отрицательно, так как всякий раз, когда в этих работах говорится об общинниках, исключительно ко времени Лугальанды и Урукагины, акад. В. В. Струве упоминает исключительно о людях šub-lugal, uku-uš и других группах работников, трудившихся в храмовом хозяйстве на земле n'g-en-na и их наделы на земле kur₆ и отчасти ugu₄-lal³.

Образом, из концепции акад. В. В. Струве вытекает, что храмовые касаются не только собственно храмовых земель (каковыми являются земли n'g-en-na), но вообще общинных; из нее вытекает также заключение того, что остальные исследователи считают храмовым хозяйством в широком смысле, с территориальной общиной. Как мы уже упоминали, большинство западноевропейских исследователей фактически отождествляют это храмовое хозяйство (или, вернее, совокупность отдельных храмовых хозяйств) с хозяйством всего шумерского «города-государства». Эта точка зрения, хотя и не высказанная прямо, встречается, повидимому, и в новой советской литературе⁴.

¹ В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, ИГАИМК, 97 (1934), стр. 14.

² Акад. В. В. Струве, История древнего Востока, стр. 69, так характеризует распределение общинной, по его мнению, земли: «Часть общинной земли считалась собственностью бога данной области. Хотя ею распоряжалась знать в лице жрецов, но эта храмовая земля еще не стала их частной собственностью. В отношении к ней сохранялись еще элементы общинных порядков... Общинники владели коллективно участками земли... Часть земли была разделена на наделы. Наделы были небольшие и колебались в пределах нескольких гектаров (не больше двадцати). Часть этих наделов отдавалась безвозмездно, а часть — за дань, налог, равняющийся седьмой-восьмой части урожая. Земли, бывшие во владении общин, обрабатывались самими свободными... Рядовые свободные работали на общинных полях треть года, пользуясь скотом, плугом и прочими средствами производства, выдаваемыми им из хозяйства храма. Очевидно, большинство наделов самих крестьян обрабатывалось также с помощью общинного скота», и т. д. Совершенно ясно, что в приведенной цитате речь идет о трех храмовых категориях земли — n'g-en-na, kur₆ и ugu₄-lal, хотя держатели наделов работали на земле n'g-en-na, повидимому, не три месяца, а круглый год. Обращаясь к специальным исследованиям акад. В. В. Струве для выяснения вопроса о том, что именно имеет в данном случае в виду автор под коллективным владением общинников на участки земли, можно прийти к заключению, что он, очевидно, имеет в виду тот факт, что часть работников не имела своих участков, а пользовалась землей на участке, выдаваемом их начальнику на земле kur₆: «Надо полагать, что они (шуб-лугали, одна из категорий работников храма, которых В. В. Струве считает общинниками-воинами. — И. Д.) получали в коллективное владение известный участок, один из тех участков, которыми... владели начальники воинов» (В. В. Струве, Очерки..., стр. 17).

³ В. В. Струве, Очерки..., стр. 5, 7, 14—16, 27 сл.; он же, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМК, 74 (1934), стр. 39, 44 и др.

⁴ Так, В. И. Авдиев, История древнего Востока², М., 1953, стр. 58, пишет: «Экономической основой этих древнейших рабовладельческих государств был централизованный в руках государства земельный фонд страны». Далее автор называет управляющего отдельным храмовым хозяйством — нубанду — чиновником, который будто бы «сосредоточивал в своих руках управление всей хозяйственной жизнью страны», из чего видно, что под государственным земельным фондом здесь, повидимому, разумеется не что иное, как храмовая земля.

Как нам представляется, отождествление храмовых хозяйств с общиной или с «городом-государством» основано на том, что только в храмах велся письменный учет и поэтому только от них сохранились архивы, многие тысячи документов из которых дошли до нас. Надлежащий анализ этих документов, как показали в особенности работы акад. В. В. Струве и акад. А. И. Тюменева, позволяет во всех деталях представить себе экономику этих хозяйств. Однако, как мы пытались показать в другой работе¹, за пределами храмовых хозяйств (т. е. территории, освещаемой документами храмовых архивов, — того, что акад. В. В. Струве отождествляет с общиной) находилось не менее 50% всей обрабатываемой земли и не менее 60—70% населения шумерских «городов-государств». Эта земля, очевидно, не входившая ни в категорию *piĝ-en-na*, ни в категорию *kur₆* и *ur₄-lal*, и существовавшие на ней порядки, естественно, не могли найти отражения в документах храмовых архивов, а других архивов, которые бы относились к этой земле, не имеется: естественно, что в рядовых хозяйствах учета не велось.

Однако о существовании этой земли и об общественных отношениях на ней могут дать представление документы, посвященные купле-продаже земельных участков, сохранившиеся от раннешумерского времени в довольно значительном числе.

По вопросу, к какой категории земель должны быть отнесены продаваемые участки, в шумерологической литературе не имеется ясно выраженных мнений. Акад. В. В. Струве держится той точки зрения, что общинники (а это, согласно принятой им терминологии, означает работников, привлекавшихся к труду на храм, т. е., по нашему определению, членов храмового персонала) вообще могли продавать свои наделы (очевидно, на земле *kur₆*)². Поэтому надо полагать, что, согласно его мнению, и дошедшие документы о купле-продаже земли могут относиться к той земле, которую мы считаем храмовой³. Частновладельческие отношения, по акад. В. В. Струве, могли возникать только на земле, не принадлежащей общинам, или, что, по его мнению, то же самое, — на естественно не орошаемой земле, на так называемых «высоких полях». Однако акад. В. В. Струве, повидимому, справедливо считает, что в дошедших до нас сделках купли-продажи речь не идет о частновладельческих землях.

С нашей точки зрения, нет решительно никаких данных, которые позволяли бы считать, что участки на земле *kur₆* и *ur₄-lal* (входившей в состав храмовой земли) могли отчуждаться⁴. Поэтому очевидно,

¹ И. М. Дьяконов, О площади и составе населения шумерского «города-государства», ВДИ, 1950, № 2, стр. 77—93.

² Акад. В. В. Струве, История древнего Востока, стр. 75: «Из надписи Урукагины мы узнаем, что попрежнему разрешалось покупать у крестьян скот и землю».

³ Акад. В. В. Струве, Очерки..., стр. 9, говорит о продаже земли в Шуруппаке родовыми общинами не уточняя, о какой категории земли идет речь. Землю, продаваемую при аккадской династии царю Маништусу, он относит, повидимому, к категории общинной земли, поскольку, по его мнению, «некоторое право на продаваемую землю имели жители городов, в области которых находилась эта земля. Маништусу, по крайней мере обязывается обеспечить жителей... городов „кормлением“» (Очерки..., там же). В «Истории древнего Востока» (стр. 82) акад. Струве, однако, полагает, что продаваемые участки — «владения в несколько сот гектаров» — «находились в руках богатых семейств» — другими словами, были частновладельческими. Но в таком случае неясно, как объяснить некоторые права общинников на эту землю? Очевидно, существовали категории общинной земли, не относившиеся к землям *kur₆* и *ur₄-lal*, так как на последних имелись только мелкие наделы. Не относились продаваемые Маништусу земли и к категории *piĝ-en-na*, так как на земле *piĝ-en-na* не было вообще участков частных лиц или семей.

⁴ Текст Урукагины, на который ссылается акад. В. В. Струве (см. выше, прим. 2), говорит лишь о том, что Урукагина впервые разрешил работнику храмового

что сделки купли-продажи земли относятся к внехрамовым землям.

Самый характер землевладения на храмовой земле и на земле, о которой мы получаем сведения из документов купли-продажи, в корне различен. На храмовой земле мы встречаем мелкие участки земли¹, выдаваемые храмом отдельным лицам строго индивидуально, либо за работу или службу в храмовом хозяйстве, либо за уплату доли в урожае. Участки эти довольно часто перераспределяются по усмотрению храмовой администрации, а держатели их не связаны сколько-нибудь ощутимыми узами родства. На земле же, о которой говорят документы купли-продажи, мы встречаем, как будет видно ниже, значительные участки, находящиеся из поколения в поколение во владении или собственности семейных групп, причем нередко владельцы этой земли, судя по некоторым упоминающимся званиям и профессиональным обозначениям, принадлежали к категориям населения, не представленным внутри храмового хозяйства².

Если придерживаться точки зрения акад. В. В. Струве, согласно которой храмовая территория в широком смысле (включая как землю *ig-en-na*, так и земли *kur₆* и *uru₄-lal*) совпадает с общинной территорией и за ее пределами существуют только не входящие в общину частновладельческие земли на «высоких полях», то в земле, к которой относятся документы о купле-продаже, как внехрамовой, мы должны были бы видеть не общинные, а именно эти «высокие поля». Однако мы попытаемся показать, что внехрамовая земля, о которой идет речь в этих сделках, именно и является собственно общинной землей. Напротив, храмовую землю нужно считать обособившейся от общинной, а работников храмового персонала, как лиц, не обладающих землей в общине, а лишь получающих наделы от храма за службу и работу, следует отличать от общинников в собственном смысле слова.

Ценность документов о купле-продаже земли состоит, между прочим, и в том, что они равномерно распределяются по всем отрезкам времени, начиная от образования классового общества в Двуречье до III династии Ура (не говоря уже о более поздних сделках подобного рода, которые общеизвестны). Они происходят из Лагаша, Ларсы, Шуруппака, Адаба, Уммы, Ниппура, Дильбата, Киша, Марада, Актаба, Дур-Сина, Сиппара, из эшнуннской области в долине реки Диялы — иначе говоря, чуть ли не из всех центров древнейшего Двуречья — и датируются всеми столетиями III тысячелетия до н. э., начиная по крайней мере с XXVIII в. Таким образом, хронологически они полностью параллельны известным храмовым архивам из Шуруппака, Лагаша, Адаба, Ура, Уммы и т. д., что позволяет нам сравнивать общественные отношения, рисуемые

персонала — шуб-лугалю требовать уплаты за скот и дом (но не землю!) в случае, если их пожелает приобрести его начальник, и уступать это имущество только в случае, если он сам этого желает. О том, чтобы можно было продавать наделную землю шуб-лугалю, до или после Урукагины, текст не говорит. См. И. М. Дьяков, Реформы Урукагины в Лагаше, ВДИ, 1951, № 1, стр. 25 (§ 12). Если бы наделы членов храмового персонала могли отчуждаться и переходить из рук в руки, это непременно нашло бы отражение в многочисленных храмовых документах, посвященных учету наделной земли.

¹ Даже Эннигаль, всесильный управляющий хозяйством храма Бау в Лагаше при правителях Лугальянде и Урукагине, имел надел размером менее 15 га, см. акад. А. И. Тюменев, Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины, ВДИ, 1948, № 1, стр. 20.

² Резкое противопоставление храмовой и нехрамовой земли, храмовых и нехрамовых должностных лиц наблюдается, впрочем, только во втором раннединастическом периоде (позже документов из Шуруппака).

храмовыми архивами, с отношениями, рисуемыми сделками купли-продажи.

Лишь в самое недавнее время эта группа документов привлекла внимание исследователей. В настоящее время над ними работают Л. Матоуш в Чехословакии, Ламбер во Франции и И. Гельб в США, однако они, как и автор настоящей статьи, напечатали по этому вопросу пока лишь несколько публикаций и предварительных сообщений¹.

До нас дошло около сотни таких сделок, поэтому в пределах настоящей статьи не представляется возможным рассмотреть их все. Мы остановимся лишь на наиболее характерных.

Уже с конца периода Джемдет-Наср (ок. 3000 г. до н. э.) встречаются документы, содержащие какие-то записи, связанные с передачей земли², и написанные, для лучшей сохранности, не на обыкновенных глиняных табличках, а на камне, кирпиче, на глиняных предметах особой формы. Но эти документы, к сожалению, пока недоступны вполне ясному пониманию. Поэтому наиболее древний документ, о котором можно говорить с уверенностью как о записи, касающейся приобретения земли, — это так называемый «документ Энхегалья, лугалья Лагаша», относящийся, вероятно, к XXVIII в. до н. э.³ За ним следует серия сделок купли-продажи земли из Шуруппака (XXVII или скорее XXVI в. до н. э.)⁴ и ряд более поздних.

Все ранние юридические документы отличаются отсутствием выработанного формуляра, разнообразием и нечеткостью в терминологии и построении документа. При архаичности самого письма, в котором часто опускаются существенные морфологические элементы слов, все это делает понимание древнейших документов несколько затруднительным. Ясными во всех деталях сделки становятся лишь начиная с «Черного камня» Луматура, сына Энанатума (вероятно, I), правителя Лагаша (XXV—XXIV в. до н. э.).

Документы разделяются на две группы: 1) памятные или расходные записи, фиксирующие только факт приобретения земли покупателем; 2) собственно записи сделок, с указанием свидетелей и юридических формальностей. Все документы сформулированы с точки зрения покупателя, который и был, в первую очередь, заинтересован в их составлении.

¹ I. J. Gelb, Sargonic texts from the Diyala region, Materials for the Assyrian Dictionary (MAD), I, Chicago, 1952; И. М. Дьяконов, Купля-продажа земли в древнейшем Шумере, «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, секция ассириологии», М., 1954; L. Matouš, Zu den Ausdrücken für «Zugaben» in den vorsargonischen Grundstückkaufurkunden, Ar. Or., XXII (1954), стр. 434 сл.

² Публикации этих документов см.: «Mémoires de la Délégation en Perse», II, 130; G. Barton, Babylonian writing, Lpz, 1913, табл. VII («таблица Гоффмана»); L. W. King, A history of Sumer and Akkad, L., 1910, стр. 62 («документ Блау», № 2); G. Barton, UP, IX, 1, табл. LXV (таблетка «Шин») и др. Документы времени Джемдет-Наср еще никто не пытался переводить (если не считать совершенно несерьезных попыток Бартона); однако это дело не безнадежное, хотя и требующее отдельного палеографического и историко-культурного исследования.

³ Опубликован Бартоном в UP, IX, № 2; совершенно невероятный перевод того же Бартона — RISA, стр. 13. К тому же или несколько более раннему времени относится документ о купле земли из Ларсы (издан только в фотографиях, по которым не поддается прочтению — A. Parrot, Kudurru archaïque provenant de Senkerch, AfO, XII стр. 319 сл.).

⁴ WGF, №№ 32—34, 36 и 39—40; RTC, №№ 13—15; Šuruppak, T 66, Tx; аналогичен документ UP, IX, 1, 3. Сюда же примыкают документы дарения и продажи домов и домовых участков — RTC, № 12; WGF, №№ 30 и 31. Документ WGF, № 41, отнесенный Даймелем по формальному признаку датировки к этой же категории и содержащий длинный перечень имен, к сделкам купли-продажи отношения не имеет.

1. Документ Энхегалья (UR, IX, № 2), Лагаш, XXVIII в. до н. э.

Наиболее трудный для понимания текст. Содержит перечень восьми уплат за земельные участки, в большинстве случаев с указанием: а) размера и характера участка; б) цены; в) названия местности; г) имени хозяина (*lugal*); д) имени лица, для которого участок приобретается или выделяется (по формуле: «для Энхегалья, лугалья Лагаша» или просто «Энхегаль, лугаль Лагаша»). Последние два пункта повторяются не каждый раз; все пункты, кроме первых двух, колеблются по месту в перечислении. Документ завершается следующим текстом:

«Поля лагашские, покупные [поля].....

Всего 150 (?)¹ бур поля, 3820 мин меди, (столько-то)² гур ячменя, 20 овец(?) — цена поля.

Лугалькигала, жрец Нингирсу, — (человек), определивший поле.

Содержание отдельных уплат:

А. 13(?) бур поля (ок. 83 га) — 720(?) мин меди, 20 гур ячменя, 10 гур пшеницы. Название местности неизвестно. Для Энхегалья, лугалья Лагаша.

Б. 7 бур поля (ок. 44,5 га) — 120³(?) мин меди, 20 ..., 120 (?) гур ячменя. Дуси, хозяин. Местность *Гараиду*.

В. 11 бур земли (ок. 70 га) — 300 мин меди, 11 (?)⁴ гур 72 сила ячменя. Местность *Ушутуг* (?). Для Энхегалья, лугалья Лагаша. Дуси, хозяин.

Г. 8 бур поля (ок. 51 га) — 20 овец(?), 11 (?) гур неотвеченного (?) ячменя *шум*, 10 гур 36 сила ячменя. «Энхегаль, лугаль». Земля у дороги и канала. (Община) *Lálki*. Нимду, *sag-nanga*⁵, хозяин. Жребий NUN-KUR₆-GU⁶.

Д. 1) 28 бур поля (ок. 178 га) — 720 (?) мин меди, 4 гур ячменя и 2) 19 (?) бур поля (ок. 120 га) — 420 мин. меди, 10 гур 72 сила ячменя,⁷. Рядом с дорогой финиковых пальм. Местность *Гуэден*. Энхегально, лугально Лагаша.

Е. 1) 14 бур поля (несколько менее 90 га) — 720 мин меди, 120 (?) гур ячменя. Местность «Стена Сень»,⁸

2) 10 бур поля (ок. 63 га) — 200 мин меди, 120 (?) гур ячменя. Местность «Поле мужчин», жребий NUN-KUR₆-GU⁹ *engar*¹⁰. Хозяин Нимду, *sag-nanga*.[.....]

¹ На фотографии, которой пользовался автор настоящей статьи, итогов не видно; Бартон читает 690, что явно невозможно; вероятно, надо читать 150, и соответственно в сделке «3, 1» (VI, 7), 19, вместо 21, как у Бартона. На фотографии цифра здесь неясна.

² Цифра гур ячменя у Бартона безнадежно испорчена. На фотографии цифра не видна.

³ Если мы правильно понимаем документ WTF, № 31, то 18 сила ячменя были в Шуруппаке XXVI века до н. э. равноценны 1 мине меди; таким образом, 1 гур мин-уль ячменя (72 сила) равен 4 минам меди, 1 гур-саггаль ячменя (144 сила) равен 8 минам меди и 1 гур мах ячменя (288 сила) равен 16 минам меди. В документе Энхегалья всюду, повидимому, имеется в виду не обычный в ранних документах гур мин-уль, а характерный позже для Лагаша гур-саггаль. Если расчеты правильны, то цена земли по документу Энхегалья колеблется между 3 и 30 минами меди за гектар, в среднем — около 15 мин.

⁴ Или 2 ? (здесь и ниже!).

⁵ Об этом звании см. ниже.

⁶ NUN-KUR₆GU — судья по шуруппакским документам WTF, № 65—66 и др. — категория лиц, получавших довольствие из храма.

⁷ Следует: 40 *lugal ki* 30 (?) *lugal SU-KUR-RUki* (? — или *KUR-GIŠ-RUki*?), что не вполне ясно; может быть, надо читать «40 (гур ячменя?) — хозяину земли, 30 (гур ячменя) — хозяину Шуруппака (богу Сукурру?), или лучше: «40 хозяев земли, 30 (?) хозяев (из) Шуруппака». Цифры «40» и «30» могут также читаться «4 бур» и «3 бур».

⁸ *Lugalki* и *Lugal-Sukurru* могут быть и именами собственными.

⁹ *šes* (? — или *uru*?) *ib ge tin girin*(?) *gal* — текст неясен; *šes* может быть «брат», «братья»; *ib-ge tin* — имя собственное или «плотина винограда».

¹⁰ *šes* (?) *ib* (?) или *id* (?)—*su*—*kur*?)—*ru*.

¹⁰ Лицо, получающее в обработку или под начало участок храмовой или царской земли.

Ж. 8 бур поля (ок. 51 га) — 180 гур ячменя. Местность *Ураиль* (?). Димсар (?), engar. Жребий NUN-KUR₆-GU. Дуси, хозяин.

3. 1) 19 (?) бур земли, раздаваемой за плату (nig-è), в местности «Поле быков» — 140 (?) мин меди;

2) 10 бур поля a-š[āg] (?)¹ — 360 мин меди. Жребий engar'ов.

3) 3 бур домов é-mu-si (?) — 120 мин меди. Жребий engar'ов.

(Всего, таким образом, в этом случае 32 (?) бур, т. е. не менее 200 га.)

Мы привели этот документ — во многом еще недостаточно понятный — почти дословно. В том, что здесь речь идет о покупке земли, не приходится сомневаться. Однако далее начинаются трудности.

Лица, названные lugal (Dù-si в сделках Б, В и Ж и, вероятно, в А, Нимду, sag-panga в сделках Г и Е, неясные лица в сделке Д), почти бесспорно — владельцы отчуждаемых участков. Так, и в более позднем «Черном камне», а также в лагашском документе Ник. I, 317, владельцы «продажных полей», названных, как и здесь, gān-šām, обозначены как lugal, что вообще соответствует шумерскому словоупотреблению². Громадные размеры их владений (так, Дуси продает более 300 га, Нимду — более 200) не должны нас смущать: ниже будет показано, как некто Лупад, занимавший в Умме ту же должность sag-panga, что и упомянутый Нимду, приобретает во всяком случае более 60³, а вероятно, свыше 100 га земли.

Часть полей обозначена как «жребий NUN-KUR₆-GU», т. е. лиц, получавших довольствие, клиентов. Неясно — имеются ли в виду клиенты Энхегалья, которые будут работать или получать наделы на приобретенной земле, или прежних владельцев. Обе возможности допустимы. Подробнее вопрос о вероятности существования в Лагаше клиентов у родовой знати будет рассмотрен во второй части данного исследования.

В сделке 3 хозяин отчуждаемых участков не указан. Первое из полей — «земля, раздаваемая за плату» (nig-è), второе и третье обозначены как «жребий engar'ов», что, по видимому, соответствует земле nig-è и «жребию клиентов». Термин «аренда» в применении к условиям шумерского храмового и царского хозяйства неточен; речь идет о том, что часть земли храма (uru₄-lal или engar-lal) раздавалась клиентам храма не в качестве вознаграждения за службу или работу, а за долю урожая (от 1/6 до 1/3). Отношения между владельцем земли и энгарами были отношениями патрона и клиента, а не арендными в собственном смысле слова. Держание земли на правах en-gar'a-«арендатора» считалось почетной привилегией⁴.

Вряд ли можно сомневаться в том, что покупатель земли во всех случаях один и тот же, а именно Энхегаль. Тот факт, что он упоминается только в сделках А, В, Г и Д, объясняется, вероятно, нечеткостью формуляра и тем, что писец списывал с разных и по-разному сформулированных первичных расходных⁵ документов. Уже один факт соединения всех записей в одном документе говорит в пользу того, что покупатель — один и тот же.

Свидетели в документе не упоминаются. Вероятно, это объясняется тем, что перед нами не договор, а расходная запись⁶. Что это именно —

¹ «Орошаемое поле». Или ZA = H[A] (?)

² Lugal как титул правителя — лишь частный случай употребления этого слова, имеющего в старшумерском значении «хозяин, владелец, господин».

³ Исходя из цифр в сохранившейся части текста.

⁴ См. S. N. Kramer, Sumerian mythology, «Memoirs of the American philological society», XXI (Philadelphia, 1944), стр. 49 сл. — спор героев Эмеша и Энтена за право быть «engar'ом богов».

⁵ О документе расхода как первоначальном виде хозяйственного документа см. А. П. Рифтин, СВД, стр. 8 сл.

⁶ Фиксация покупки в виде счетной записи — см. еще, например, NFT, стр. 220; Ник., I, № 293; A. Deimel, SGr, стр. 173.

расходная запись, видно также из того, что она является упрощенной, объединяющей под одной рубрикой различные расходы (т. е. виды уплат продавцам) — как можно заключить из сопоставления с более поздними документами.

К упрощению, возможно, следует отнести также и то, что Дуси, Нимду и т. д. обозначены так, как будто они были единоличными хозяевами громадных отчуждаемых участков, между тем как для Шумера — что мы увидим ниже — вообще характерно наличие коллективной, семейной собственности на землю; поэтому вполне вероятно, что эти «хозяева» выступают здесь как представители фамильного или родового коллектива. Тем не менее размеры их участков настолько громадны для условий Двуречья, что мы, не обинуясь, можем признать в Нимду и Дуси представителей крупной родовой знати.

В этом — наиболее поучительная черта документа Энхегалья. На пороге истории Шумера мы встречаем здесь аристократические роды с земельными владениями, не имеющими себе аналогий по размерам в позднейших периодах истории Двуречья¹. Если Дуси продает более 300 га земли, а Лунад приобретает сотню га земли², то даже крупнейшие вельможи позднейших периодов не могут похвастать участками более чем в десяток — другой гектаров. В этом — коренное экономическое различие между знатью раннешумерского и знатью вавилонского периодов; оно находит себе объяснение в том, что первая — родовая знать, и ее поля — это «поля вождей»³, в то время как вторая — исключительно служилая знать, целиком зависящая, экономически и политически, от царя, от которого и получает землю — либо в порядке дарения, либо в виде служебного надела.

Относительно способа эксплуатации непосредственных производителей на землях знати прямых данных в рассматриваемых документах нет, но по аналогии с храмовыми хозяйствами можно предположить, что и на землях родовой знати сельскохозяйственные работы выполняли преимущественно лично свободные, но патриархально-зависимые люди — родственники и клиенты, которых мы встречаем даже у более крупных из служащих храма⁴ и которые тем более должны были существовать у независимой от храма знати. Акад. А. И. Тюменев (ВДИ, 1948, № 1, стр. 25) справедливо указал, что рабство военнопленных-мужчин не играло еще большой роли в раннединастический период, а рабство кабальное, продажа

¹ Наибольший известный мне размер служебного надела на царской земле времени I вавилонской династии — 12 бур (свыше 70 га — F. Thureau-Dangies, La correspondance de Hammurapi avec Samsi-hâsir, RAss. XXI, 1924, стр. 1 сл., №№ 5 и 49. Крупные участки см. также там же, №№ 29, 33, 35, 47 и др.). Среди служебных наделов, находящихся в частном владении и не на царской земле, наиболее крупным из известных мне является участок в 5,1 бур (ок. 32 га) — подарок Аммибакуля, царя Ханы, чиновнику Пагируму — VS, VII, 204 (HG, III, № 459). В продажу поступали обычно участки размером в несколько частей бур'а и даже ган'а, т. е. раз- мером от нескольких аров до 6 га. Еще мельче были частные наделы при III династии Ура (наибольший известный мне служебный надел — 10 ган, т. е. ок. 4 га). Данные о более крупных частных владениях в Шумере, приводимые Н. М. Никольско- ским, ЧЗЧЗ, стр. 16 и 20, основаны на недоразумении (см. ВДИ, 1949, № 1, стр. 126—127).

² В «Таблице Гоффмана» также упоминается довольно крупный участок земли (ок. 30 га).

³ Поэтому соображения акад. Н. М. Никольского о «полях вождей» как источнике частного земельного владения в Двуречье (ЧЗЧЗ, стр. 31 и 54) вполне уместны по отношению к раннему периоду, когда еще существовали значительные пережитки первобытно-общинных отношений, но едва ли справедливы по отношению к старовавилонскому периоду, когда классовое общество имело за собой уже тысяче- летнюю историю развития — см., например, ЧЗЧЗ, стр. 54.

⁴ См. об этом во второй части настоящей работы.

детей за долги и т. п. известны также лишь из более поздних документов¹.

Если документ Энхегалья дает нам представление о землевладении родовой знати, то документы из Шуруппака, происходящие в значительной доле из домов частных лиц, дают представление о мелком землевладении — пастухов, клиентов храма² и свободных земледельцев-общинников.

II. Документы из Шуруппака. Формуляр и здесь печеткий. Обычно документ формулируется следующим образом: а) такая-то цена поля; б) размер поля; в) имена «людей, пользующихся платой» (lú-šám-kú), т. е., очевидно, продавцов; г) различные приплаты; д) свидетели, писец и различные другие лица, так или иначе принимающие участие в операции, иногда с указанием платы им; е) название местности; ж) имя человека, «покупающего поле» (lú-gán-šám); з) дата. Пункты от «в» до «д» меняются в смысле их формулировки и порядка.

Помимо цены поля, в большинстве документов упоминаются еще различные дополнительные уплаты, иной раз значительно превосходящие по стоимости самую цену поля. Продавцы могут получать, помимо цены, еще «приплату» (níg-dirig; в одном случае — RTC, № 13 — названа níg-dirig-é-dù «приплата [за] строение»), «подарок» (níg-ba или LAK 672³ -AN-TAR), «одежду» (túg) и еще особую выдачу, которая в большинстве документов никак не названа и лишь в RTC, № 15 о ней сказано: «хлебная выдача — для рода (?) ячмень он отмерил...» (še-ba un-šè še an-gid...). Таким образом, это, повидимому, угощение родичам продавцов. «Подарки» и т. п. могут выдаваться всем продавцам вместе или каждому индивидуально.

Кроме продавцов, в числе получателей дополнительных уплат могут быть родичи продавцов (WTF, № 36; RTC, № 14 и 15), свидетели (WTF, № 32, 34, 40), писец — составитель сделки⁴ и должностные лица — ungal (WTF, № 30), engar-uš (RTC, №№ 14 и 15).

Содержание отдельных документов:

А. (RTC, № 13): Продается поле с застроенным участком (размеры не указаны). Цена поля — 23½ мины меди; приплата за строение — 23½ (?) мины меди; угощение — 30 хлебов, 30 чечевичных похлебок, по 10 неизвестных предметов двух сортов (PAP + HI + 1 и PAP-LAGAB + HA + ZA, обычно входящих в состав угощения) и неизвестное количество сливок (? — ià-nun); «одежда» — 5 мин шерсти. Часть угощения была возвращена (?ba-gi-ga). Четверо продавцов, пять свидетелей (uḫ-ba gú-lal-am, [lú?] uḫ-[ba] ki-in[im]), в том числе бывший «назначенный энси» (ensí-gal-gar), тамкар и писец. Писец, составивший документ и измеривший участок, получил 1 мину меди, 5 хлебов, 5 чечевичных похлебок и по 2 неизвестных предмета двух сортов.

Покупатель — Иниманизи, человек, получающий прокорм (nun-kuḫ-gu).

Б. (WTF, № 32). Продается поле размером 3 ган (несколько более 1 га). Цена поля — 6 мин меди; приплата — 6 мин меди; подарок — 18 мин меди и 1 гур кушжу-та; угощение (и «одежда») — 1 одежда, 18 сила ячменной каши (? — še ninda), 20 чечевичных похлебок, по 4 неизвестных предмета двух сортов и 1 сила растительного масла. Один продавец. Пять свидетелей (в том числе один писец и один вялильщик рыбы) получают всего 12 сила ячменной каши (?), 10 чечевичных похлебок и по 2 неизвестных предмета двух сортов. Кроме того, имеется еще три свидетеля. Писец, оформлявший

¹ Со времени Энентарзи, RTC, № 17. Однако в это время нам известны лишь единичные случаи подобного рода; они учащаются в конце III и особенно в начале II тысячелетия до н. э.

² В данном случае речь идет, разумеется, об их владениях на висхрамовой земле — помимо возможного участка, который такой клиент получал от храма.

³ Неясная идеограмма.

⁴ WTF, № 30?; RTC, № 13; WTF, № 32—34, 36 и 40?; RTC, № 14.

сделку (*dub-sar-gán*), получил $1\frac{1}{2}$ мины меди, не менее 3 *сила* ячменной каши (?), 4 (?) чечевичные похлебки и по 1 неизвестному предмету двух сортов. Должностное лицо *engar-uš* получило 3 хлеба и 3 похлебки.

Один покупатель.

В. (WTF, № 33). Продается поле размером 2 *ган* (ок. 0,7 га) в местности «канала изобилия». Цена поля — 4 мины меди; подарок (...-AN-TAR) — 2 мины меди; приплата — 18 мин меди; «одежда» — $1\frac{1}{2}$ мины шерсти; угощение — 25 хлебов, 25 похлебок, по 5 неизвестных предметов двух сортов, 1 *сила* растительного масла. Д в а продавца. 17 свидетелей, в том числе два писца, два кожевника, плотник, привратник, певчий и один безымянный «слуга» (*gar-tud*) некоего Лугаль-эсп. Двое свидетелей названы также и по отчеству. Писец, оформлявший сделку, получил 1 мину хлеба, 10 хлебов, 10 похлебок и по 2 неизвестных предмета.

Один покупатель.

Г. (WTF, № 34). Продается поле размером 3 *ган*. Цена поля — 12 мин меди; приплата — 10 мин меди; «одежда» — 2 мины шерсти. Д в а продавца, получающие индивидуальное угощение (один получает 20 хлебов и соответствующее количество похлебок, масла и т. д., другой — меньше продуктов, но зато 1 одежду). Три лица получают каждый по 10 хлебов и т. д., и два лица, принадлежащие к «фамилии Дуду» (*é Du-du*) и обозначенные как свидетели (*lú-ki-inim*), — вместе 5 хлебов и т. д. Писец, оформивший сделку, получает $\frac{1}{2}$ сикля серебра, 10 хлебов и соответствующее количество прочих продуктов.

Один покупатель.

Д. (WTF, № 36). Продается поле размером 6 *ган* (2,1 га). Цена поля — 12 мин меди; подарок (...TAR) — 7 мин меди; приплата — 4 (?) мины меди; «одежда» — 4 мины меди (!); угощение — 20 хлебов, 20 похлебок, по 6 неизвестных предметов двух сортов, 1 *сила* растительного масла. Д в а продавца; кроме них еще имеются два лица, получающие индивидуальное угощение (один — 5 хлебов и т. д., другой, кроме того, еще и одежду). Семь свидетелей, в том числе водовос (? — *a-šub¹*) и писец. Другой писец, ведущий переговоры (*dub-sar lú-ka-bad*), получил 1 сикль серебра, 5 хлебов и т. д.

Покупатель — Наммах, староста (*ugula*) водоносов (?).

Е и Ж. (WTF, № 39 и 38) — две сделки одного покупателя, названного здесь «человек, делающий плату» (*lú-šám-ag*), некоего Гамгама.

В первом случае размеры поля неизвестны. Плата — 20 *гур* кунжута и 10 кожаных одежд. Д в а продавца (из них один — пастух) получают индивидуальные подарки — $1\frac{1}{2}$ и 1 *гур* кунжута. Других приплат нет. Двое или трое свидетелей.

Во втором случае размеры поля — 6 *ган*, плата $5\frac{1}{2}$ *гур* молотого (?) кунжута и 11 сиклей серебра. О д и н продавец (названный по имени и отчеству) и один свидетель, а именно брат продавца. Никаких «приплат».

З. (WTF, № 40). Размер поля неизвестен. Цена поля — 8 сиклей серебра. Д в а продавца, один свидетель. Все трое и еще некий Амарабзу получают индивидуальные выдачи: продавцы — 24 и 36 *сила* ячменя, свидетель — 1 *гур* кунжута и 54 *сила* ячменя, Амарабзу — 72 *сила* ячменя на пиво. Далее, некий Сагантук (?) получает 54 *сила* муки в качестве «хлебного питания» и 5 мин шерсти. Следуют еще какие-то выдачи: конец текста не сохранился.

И. (RCS, № 14). Продается поле размером 8 *ган* (несколько менее 3 га) в местности «Поле дома певцов». Цена поля — 20 сиклей серебра; «приплата» — 10 сиклей серебра; подарок — 2 *гур* кунжута; «одежда» — 12 мин шерсти; «угощение» включает, помимо 48 *сила* ячменной каши, 60 похлебок, по 10 неизвестных предметов двух сортов и 1 *сила* сливок (?), еще 4 мины шерсти и 1 «старую дверь»(!). Д в а продавца. Сестра их получает 72 *сила* ячменя, 20 хлебов и т. д. 11 свидетелей, в том числе пастух и писец. Другой писец, оформивший сделку, получил $1\frac{1}{3}$ сикля серебра, 24 *сила* ячменной каши,

¹ Как мне любезно сообщил акад. А. И. Тюменев, он читает *a-ru(-a)* и понимает как «дареный, посвященный (раб)».

40 похлебок и т. д. Должностное лицо engar-u₃ получил 48 *сила* ячменной каши, 20 хлебов и т. д.

Покупатель — Иль, пастух бога Гибилы.

К. (RTC, № 15). Продается поле размером 2 *ган* в местности у «большого канала». Цена поля не сохранилась (уплачена была серебром). Приплата — 5 сиклей серебра; подарок — 1 *гур* кунжута; «одежда» — 2 мины шерсти; «угощение» — 20 хлебов, 20 похлебок и т. д., кроме того 1 одежда. Один продавец. Его брат получает 96 *сила* ячменя, 20 хлебов и т. д. 13 свидетелей. Должностное лицо engar-u₃ получает 1/2 сикля серебра, 18 *сила* ячменя, 20 хлебов и т. д.

Покупатель — Ур-Энки, сын Ур-Гибилы.

Прочие документы этой группы совершенно аналогичны приведенным выше. Так, документы WTF, № 30, 31 и Suruprak, T, 66 — сделки о продаже дома, не дающие ничего нового. В первом из них среди получающих дополнительные уплаты имеется еще начальник рабочего отряда (*ungal*), которому выдается 1 мина меди; во втором из них единственной дополнительной уплатой является 108 *сила* ячменя в качестве «разовой выдачи» (? *u₄-ba*). Документ сформулирован крайне бестолково, но если мы его правильно поняли, сообщает, что 18 *сила* ячменя эквивалентны мине меди¹.

Дарение дома, раба и какого-то предмета некоему Субсару (?) от некоего Сплимабзу (RTC, № 12) интересно только тем, что в этом документе среди свидетелей названы две замужние женщины и одна рабыня шурушпакского городского бога.

В приведенных документах сразу бросается в глаза, что покупатель — всегда одно лицо, в то время как продавцов в большинстве случаев несколько — два или четыре. В некоторых случаях, однако, мы встречаем и по одному продавцу (WTF, №№ 32, 38 и RTC, № 15). В одном из этих документов продавец назван по имени и отчеству, что, может быть, означает его знатное происхождение. В двух из тех же документов (WTF, № 38, и RTC, № 15) брат продавца выступает в качестве свидетеля и принимает участие в получении дополнительных выплат; первое обстоятельство, вероятно, и приводит к тому, что он выключен из числа «хозяев» (что эти «хозяева», хотя их родство между собой и не указано, тем не менее, вероятно, родичи, видно из документов RTC, № 14, где наряду с двумя «хозяевами» в получении уплаты участвует их сестра, и RTC, № 15, где «угощение» ясно обозначено как предназначенное для «рода»² — *un*). В документах WTF, № 32 и Suruprak группу свидетелей, принимающих участие в получении уплаты, также, по всей вероятности, следует отнести к родичам продавца. Согласно нормам вавилонского права, в свидетели особо охотно привлекались родичи продавца и вообще лица, могущие в случае их неучастия в сделке как-либо ее оспорить³.

Для правильного понимания приведенных сделок следует разобраться в сложной системе дополнительных выплат. Судя по всему, «приплата» (*nig-dirig*) является иногда дополнительной платой за труд, вложенный в данный участок в виде строений и т. п., «подарок» символически завершает сделку в знак ее дружелюбного окончания⁴. Любопытна дополнительная уплата в виде шерсти (или ее цены) на «одежду». Очевидно, при возникновении отчуждения земли — явления нового — встал вопрос о том, чтобы продающий землю мог без нее себя прокормить и одеть. Это и выражалось в каивной форме уплаты отдельно за самую землю, отдельно

¹ Ср. L. Matouš, *Ag. Or.*, XXII (1954), стр. 436 сл.

² Слово *ung* (в транскрипции *un ùng, ùku*) аккадцы переводили как «люди, народ»; однако ранее оно, вероятно, означало «род», судя по тому, что «племя» называлось *ugnim* = **ùg + nim* «высший ùg (или un)».

³ См. А. П. Рифтин, СВД, стр. 23.

⁴ О связи «подарка» с коллективным характером собственности см. L. Matouš, *Ag. Or.*, XXII, стр. 434 сл.

за вложенные в нее ценности, и отдельно в виде компенсации одеждой и угощением. Чрезвычайно важно, что последнее представлялось не только фигурирующим в сделке «хозяевам» (коллективно или индивидуально), но и их родичам. Так следует понимать лиц, получающих угощение (то ли в роли свидетелей, то ли в роли совладельцев) в документах WTF, №№ 34, 36, 38 и 40; RTC, №№ 14 и 15. Это станет яснее на примере более поздних и яснее сформулированных документов, которые покажут также, что так называемые «хозяева» (lugal) — на самом деле вовсе не владельцы или собственники земли, а только старшие представители большесемейной общины («дóма», é — ср. WTF, № 34), которая, в сущности, и является владельцем. Поэтому «хозяева» часто и выступают не в одиночку, а по два и даже по четверо.

Следует подчеркнуть, что контрагентами в сделках являются рядовые граждане Шуруппака, и что речь, следовательно, идет о нормальной величины земельных участках. Разумеется, вряд ли здесь, как правило, продаются участки большесемейных общин целиком (хотя и это возможно — лишившиеся земли общинники всегда имели возможность стать клиентами-работниками храма или знати за земельный надел). Но во всяком случае мы не видим здесь тех громадных земельных угодий, которые мы встретили в «документе Энхегалия» и которые, очевидно, представляли владения знати. С другой стороны, следует отметить, что наши документы свидетельствуют, видимо, о создании путем скупки и н д и в и д у а л ь н о г о земельного владения: если бы и покупатели были не индивидуальными владельцами, а представителями семейных общин, то мы и среди них¹ третили бы случаи, где они выступали бы по двое, по трое и т. д.

Плата, выдаваемая в ряде случаев писцу или землемеру (иногда это одно и то же лицо), не представляет ничего необычного. Более любопытна уплата, производящаяся в довольно крупных размерах должностным лицам — начальнику рабочего отряда (ungal — WTF, № 30) и engar-uš («погоняющий engar'ов», вероятно, то же, что sag-engar хозяйственных документов, т. е. лицо, наблюдающее за обработкой известного участка храмовой земли, — WTF, № 32; RTC, №№ 14 и 15).

Следует также заметить, что некоторые из контрагентов безусловно являются членами храмового персонала — так, покупатели в документах RTC, №№ 13—14 и, вероятно, WTF, №№ 30 и 36. Немало членов храмового персонала и среди свидетелей. Из этого, однако, едва ли следует делать вывод о том, что в данных случаях отчуждалась храмовая земля. Все, что мы знаем о храмовом хозяйстве Шумера (а это довольно много), показывает, что земельным наделам на храмовой земле велся строжайший учет, что они постоянно перераспределялись в строго индивидуальном порядке храмовой администрацией и были безусловно неотчуждаемы¹. Но нет причин, которые могли бы пренятствовать тому или иному из свободных членов храмового персонала приобрести себе землю на стороне. К тому же в рассматриваемое время, повидимому, лица, связанные с храмовым хозяйством, еще не были полностью оторваны от общин, из которых они происходили. Весьма вероятно, однако, что для покупки земли на стороне членам храмового персонала требовалось купить разрешение начальства — ungal'a или engar-uš'a, что мы и встречаем в документах WTF, № 30 и RTC, № 14. В документе WTF, № 36 контрагент — сам ма-

¹ Если какой-либо участок мог бы перейти в пределах храмовой земли из рук в руки путем купли-продажи или, тем более, выбить таким же образом на сторону, то это нашло бы отражение в каком-либо из многочисленных, дошедших в составе храмовых архивов документов поименного учета земельных участков.

ленькое начальство (староста водоносов?), и поэтому, может быть, ему не пришлось платить *engar-uš'u*, а в RTC, № 13 ту же цель обеспечения согласия начальства преследует привлечение в состав свидетелей представителей храмовой администрации. Очевидно, и в документах WGF, № 32 и RTC, № 15, где также производится уплата *engar-uš'am*, покупатель принадлежал к храмовому персоналу, хотя это прямо и не указано. Это вполне согласуется с тем фактом, что покупатели в этих случаях выступают индивидуально, так как в пределах храмовых хозяйств мы застаем всякого рода семейные и родовые связи уже совершенно разрушившимися.

Судя по всем этим данным, сделки из Шуруппака показывают нам внехрамовое землевладение, повидимому — большесемейное. Земли больших семей уже втягиваются в оборот, но пока еще слабо, в нечетких и неразвитых юридических формах. Покупателями земли выступают индивидуальные владельцы — из числа более преуспевающих членов храмового персонала или, может быть, и из родовой знати.

Более поздние документы, относящиеся ко второму раннединастическому периоду (XXV—XXIV вв. до н. э.), происходят частью из Лагаша, частью из других городов. Из последних мы рассмотрим только три наиболее типичных: IfA, № 49; ST, XXXII, № 7-8, и «документ Ниса и Кайзера».

III. Д о к у м е н т и з А д а б а (IfA, № 49), около 2500 г. до н. э.¹, содержит две сделки, по характеру оформления довольно близкие к документам из соседнего Шуруппака.

Покупателей здесь следует видеть в группе лиц (свыше 6, может быть 10), перечисленных в самом конце, после общих итогов по обоим сделкам, и обозначенных как «дом Дамси, сына Бели-ишли»². Таким образом, здесь в качестве покупателя выступает семейная община.

Содержание отдельных сделок:

А. Продается поле, дом и дорога — участок, общим размером 6 *бур* и 14 *ган* (около 43 га). Хозяин обозначен как PA.USAN, но это не собственное имя, а название должности³, причем употребленное здесь, повидимому, как название «дома», т. е. большой семьи. Цена участка составляет 10 мин и 30 $\frac{1}{3}$ сиклей серебра. Дополнительные выплаты, объединенные под термином «подарки сыновьям (дома) PA.USAN» (*nig-badumi PA.USAN*), разделяются следующим образом: восемь «сыновей PA.USAN», — в число которых входит и целый «дом Дада», очевидно семья, отпочковавшаяся от большесемейной общины PA.USAN, — получают каждый по 1 кожаному предмету и по 5 мин шерсти; четыре свидетеля получают по 1 кожаному предмету и пять свидетелей — по 5 мин шерсти; в итогах эти свидетели включены в число «сыновей PA.USAN»; очевидно, это также родичи продавцов, но не главы семей, а менее значительные лица. Кроме того, имеются еще 11 бесплатных свидетелей, обозначенных как «закиточные (?) люди (букв. „люди изобилия“), свидетели PA.USAN»; в их число входит, между прочим, «жрец общины» (*išib ucu*). Возможно, что это свидетели от покупателя.

Б. Продается поле и дом, размером 4 *бур* 12 *ган* (несколько менее 30 га). Хозяин обозначен как «дом Гидаг». Цена поля не сохранилась, список получателей дополнительных выплат также в плохой сохранности, однако благодаря привлечению итогов можно установить, что «женам (или жене) дома Гидаг, сыновьям дома Гидаг и зятю (зятю) дома Гидаг» было уплачено всего 3 кожаных предмета и 10 мин шерсти. Судя по величине лакуны, должны были упоминаться и бесплатные свидетели.

¹ Документ сохраняет еще свободный порядок знаков, державшийся до времен Эанатума (ок. 2500 г. до н. э.), но имеет уже значительно больше чисто фонетических знаков, чем документы из Шуруппака.

² Последнее имя — аккадское. В числе перечисленных лиц имеется племянник Дамси (сын его брата).

³ Ср. WGF, № 15. Дословное значение «староста кнута (плети)».

Таким образом, здесь о б а контрагента — большесемейные общины, и это не случайно, так как продаются не индивидуальные наделы и их части, а сравнительно крупные земельные массивы. Здесь особенно ясно выступает деление родичей на совладельцев земли и лиц, выступающих лишь как свидетели. На этом явлении мы еще остановимся ниже. Следует отметить крупные размеры приобретаемых участков: на каждого из перечисленных членов общины-покупательницы приходится не менее 7 га земли, на каждого из членов общины-продавщицы — не менее 5 га. Это значительно больше среднего земельного владения семьи вавилонского периода.

IV. Д о к у м е н т и з Д и л ь б а т а (СТ, XXXII, № 7—8), XXIV в. до н. э.¹

Этот документ особенно интересен тем, что происходит из северной Вавилонии и показывает единство условий севера и юга. Он составлен по-аккадски и содержит перечень не менее девяти сделок. Начало и конец текста отбиты, и имя покупателя, а также, вероятно, перечень свидетелей, не сохранились.

Документ составлен по формуле: а) размер поля «по верной землемерной веревке» и иногда название поля и т. п.; б) цена; в) получатели ее — если они не совпадают с получателями приплаты; г) приплата и получатели ее; д) имена продавцов.

Содержание отдельных разделов:

А. Сохранился только размер поля: 6 *ику*² 30 *сар*.

Б. [12 (?) *ику* поля некоего Урмы в (семейной общине) Лугалькаламы; цена — 30 *гур-саггаль* ячменя; приплата — 2 *гур-саггаль* ячменя, 4 мины шерсти, 4 *сила* масла (?). Имена продавцов не сохранились (вероятно, сыновья Урмы?).

В. [6 (?) *ику* поля, цена 15 (?) *гур-саггаль* ячменя; приплата³ — 1 *гур-саггаль* ячменя, 2 мины шерсти, 2 *сила* масла. Два продавца с разными отчествами (имена шумерские).

Г. Размер поля не сохранился. Цена и приплата разделяются между двумя группами получателей: 1) сыновьями Урмы и 2) Бабу, сыном Шесаманы, и Ур-Абра, сыном Алумтаба⁴. Приплата сыновьям Урмы составляет 1 *гур* ячменя, 2 мины шерсти и 2 *сила* масла; остальные цифры не сохранились.

Д. [24 (?) *ику* поля, цена 60 (?) *гур-саггаль* ячменя]; приплата — 8 *гур-саггаль* ячменя, 16 мин шерсти, 16 *сила* масла; подарок (*nig-ba*) — 1 одежда кожаная. Продавец Раби-илум, сын Иштуш-или (оба имени — аккадские).

Е. 1 (?) *ику* поля. Условия не сохранились. Продавцы — Икушбни-илум (имя аккадское) и Ур-Дубан (имя шумерское), сыновья Урсига (имя шумерское).

Ж. 6 *ику* поля, цена — 15 *гур-саггаль*; приплата [1 (?) *гур* ячменя, 2 (?) мины шерсти, 2 (?) *сила* масла]. Продавцы — пять сыновей Ур-Мамы (имя шумерское).

З. 6 *ику* поля, цена та же, цифра приплаты не сохранилась. Продавцы: два сына Икулаума (имя аккадское).

И. Текст разрушен.

Следуют итоги (?), текст которых весьма темен и плохо сохранился.

И здесь мы видим в качестве продавцов семейные группы — правда, уже более мелкие; за именами одного-двух, максимум до пяти продавцов — в некоторых случаях не состоящих в родстве — по крайней мере, в близком, — уже не тянутся различные списки получателей «второго разряда»,

¹ Безусловно старше аккадской династии.

² Акк. *ику* = шум. *ган*.

³ Приплата здесь называется шумерской идеограммой *nig-dib-gar*.

⁴ Последнее имя — аккадское, остальные — шумерские.

однако в дальнейшем мы увидим, что на севере Двуречья этот старый порядок не исчез еще и при аккадской династии¹.

V. «Документ Ниса и Кайзер» (J. V. Nies and C. E. Keiser, Historical, religious and economical texts and antiquities in the collection of J. V. Nies, New Haven—London, 1920, № 2, стр. 12) — более старый, чем документ из Дильбата и даже, вероятно, чем документ из Адаба, и происходящий, может быть, из Киша.

Документ представляет памятную запись о покупке девяти участков земли (размером ? ган, 6 ган, 7 ган, [13½ ган, 6 ган, [6 ган ?, 6 ган?], 32 сар ?, 47 сар) ценой 100 (с лишним?) сиклей серебра, 40 сиклей, 45 сиклей, 125 (?) сиклей, 40 сиклей, 40 сиклей, 4 сикля, ? сиклей.

Указаны продавцы полей («пользующиеся ценой поля» — šám-gán-kú) — в первом случае двое, во втором — без указания их числа — сыновья Бубу (из общины) ALIM^h(?), в третьем — «Негун (?)», член общины Зурпум (?—lú Zu-ri-um^{ki}?), названный не šám-gán-kú, а lú giš-il gán, в предпоследнем — Зузу и Раби'илум, сыновья Энси; в остальных случаях — единичные продавцы.

Приплата и свидетели — как обычно в памятных записях — не указаны, однако нет сомнения в том, что и данный документ отражает тот же тип земельных отношений, что и предыдущие².

Наиболее полное представление о земельных отношениях досаргонского периода истории Двуречья рисуют нам сделки о продаже недвижимости из Лагаша времен династии Ур-Нанше (2600—2300 до н. э.), к рассмотрению которых мы и переходим, разделив их на три группы: а) документ уммийца Лупада; б) покупка земли семьей правителя Лагаша; в) покупка домов и другие мелкие покупки.

VI. Документ Лупада (Dés. ér., LIV—LVa), Умма, XXV в. до н. э.

Выше уже отмечалось, что запись сделок о приобретении земли часто производилась не на табличках, а на камне, в целях их более длительного сохранения. Документ Лупада — наиболее своеобразная из этих записей. Текст его вырезан на статуе, или, точнее, на массивной каменной глыбе, которой приданы общие черты человеческой фигуры и человеческая голова. Памятник был разбит еще в древности. Высказывалось мнение, что Лупад, носивший титул «sag-panga Уммы», был беженцем в Лагаш, где и приобрел перечисленные на памятнике земли. Кажется более вероятным, напротив, что сделки (касавшиеся, возможно, земель на спорной территории между Уммой и Лагашем) были произведены на территории Уммы, а в Лагаш памятник был привезен как трофей во время одной из войн за пограничные территории между Уммой и Лагашем и разбит в знак аннулирования устанавливаемых им прав. Этому не противоречит тот факт, что некоторые из участников сделки носят лагашские имена (Наншенумеа, Лагаш-...). Такие имена вполне возможны в пограничных районах, переходивших то к Лагашу, то к Умме.

Ввиду сильной фрагментированности текста он не поддается полному восстановлению, однако общее его содержание следующее:

¹ Любопытна рисуемая этим документом картина мирного совместного проживания людей шумерского и аккадского языка на севере Двуречья еще до Саргона аккадского. Это поучительное зрелище для сторонников понимания истории Двуречья как истории «расовой» или «национальной» вражды шумерийцев и аккадцев. Ту же картину сосуществования шумерийцев и аккадцев дает и следующий документ, опубликованный Нисом и Кайзером.

² Этим не исчерпывается список архаических документов купли-продажи земли; см. еще, например, NFT, стр. 222 (фрагмент черного камня) и др.

«Лупад, sag-panga Уммы, сын Нару..., sag-panga, „отец“¹,... (следовали еще различные звания Лупада) [купил из покупных полей]»:

следует перечисление отдельных участков с именами владельцев (это могут быть и имена «домов»: по крайней мере наряду с полем Ушгали упоминается поле Дугани, потомка² Ушгали). При каждом участке — указание на соседний участок: «рядом с „храмом жизни“³, «рядом с его (т. е. владельца участка) домом», «рядом с Агештином, кузнецом», «рядом со старостой кожевников». Перечислялось не менее 10 участков размером от 8 (?) ган до 2 бур (т. е. от 2,8 га до 12,7 га). Заключительная формула: «[Эти поля за столько-то мин серебра (?)] по правильному сиклю Лупад, sag-panga, у них купил».

Следует перечисление предметов, из которых фактически составлялась плата, исчисленная в серебре и, вероятно, приплата (шерсть, ячмень, ткани, медь и т. п.), а затем длинный перечень индивидуальных выплат — неясно, родичам продавцов или свидетелям, или тем и другим. Выплаты состояются из шерсти по 5 мин на человека, в числе получающих — глашатай (nimgir), писец и др. Упоминается — в разрушенном контексте — «клятва (?)».

После пробела в начале IV столбца снова, повидимому, шел текст: «[Лупад и т. д... купил] из покупных полей», и шла новая серия записей купленных полей, которые, однако, почти совершенно не сохранились.

Таким образом, в документе Лупада мы встречаем оба вида земельной собственности, известных нам из документов Энхегалия и шуруннакских сделок: крупные владения знати, представленной здесь Лупадом, приобретающим землю размером порядка сотни гектаров, и мелкие владения членов большесемейных общин. Что это именно большесемейные общины, с моей точки зрения, достаточно доказывается наличием индивидуальных выплат большому числу лиц; иначе как реальным или пережиточным существованием таких общин едва ли можно объяснить такие выплаты.

Следует обратить внимание на звание sag-panga, часто встречающееся в рассматриваемых документах как звание владельца земли. Повидимому, речь идет о крупном общинном или даже родо-племенном должностном лице, хотя точнее о характере этой должности что-либо сказать трудно. В число храмового персонала sag-panga, повидимому, не входил⁴.

Наиболее ярко состав и характер большесемейных общин виден из следующей группы договоров купли-продажи:

VII. П о к у п к а з е м л и с е м ь е й п р а в и т е л е й Л а г а ш а:

а) Надпись на кирпиче (NFT, стр. 220), подобно документам Энхегалия и «Ниса и Кайзера», — не договор, а памятная запись: «Эанатум, сын Акургалия, энси Лагаша, у Амарэгаля, GARAS'a⁵ купил сад (размером) 8 (?) ган (и) отвесил ему 5 (?) мин серебра. Подарок (nig-ba) — 2 kúr шива».

¹ Звание (ad-da), известное и в более позднее время, со значением «вождь» или аналогичным; к официальной царской и храмовой администрации не относится.

² šag-gal = šag-gál «потомок»?

³ Или É-ti — здесь имя собственное?

⁴ Шум. panga передается в шумеро-аккадских словниках как pagû «область»; sag-panga можно было бы поэтому перевести как «глава области». Однако есть данные, что в шумерское время термин panga имел, возможно, и иное значение; так, panga называются участники некоторых храмовых пиршеств. Судя по документам о праздничных выдачах знатым женщинам города из храма богини Бау в Лагаше, жена sag-panga принадлежала к самой высшей знати. В храмовых архивах sag-panga не упоминается; включение составляют документы из Шуруннака, но здесь, возможно, идеограмма sag-panga смешана с похожей идеограммой sag-gín.

⁵ RAS + GA; по Тьюро-Данжэну «прачечник».

б) «Черный камень Луматура»¹ (Dés. ér., XLIX a), XXV-XXIV в. Подобно громадному большинству подобных документов раннешумерского и аккадского периодов, этот документ также ни разу не переводился и не обрабатывался, хотя на него имеются неопределенные ссылки в ряде работ. Мало того, даже не был известен правильный порядок чтения его текста. Такой выдающийся шумеролог, как Тьюро-Данижэн, дважды ошибочно указал порядок чтения: в автографическом издании (Dés. ér.) переставлены местами его лицевая и оборотная стороны; в SAKI эта ошибка исправлена, но и при новом порядке текст не поддается истолкованию, так как Тьюро-Данижэн и тут не заметил своеобразия написания этого текста: в нарушение обычных графических правил, существующих для шумерских текстов, надпись на «Черном камне» идет вокруг него, начиная со столбца, обозначенного в издании как п о с л е д н и й (восьмой) столбец оборота, затем переходит на край, затем на п е р в ы й столбец «лицевой стороны», затем седьмой столбец «оборота», опять край, в т о р о й столбец «лицевой стороны» и т. д. При таком чтении текст не только дает полный смысл, но и восстанавливаются почти полностью его многочисленные лакуны.

Документ содержит четыре сделки, следующего содержания:

1 А. « $9\frac{3}{4}$ ган из покупного поля у А, Б и В, хозяев поля] Луматур, сын Эпанатума, энси Лагаша, купил.

За 1 ган по 2 гур-саггаль ячменя. Этот ячмень — 19 гур 72 сила — цену поля — они получили».

Следует перечень разнообразных предметов: шерсти, сосудов, хлебов, рыбы, муки и т. д., и т. п. «Дом Уг в качестве подарка (nig-ba) получил это».

«А, Б и В — это хозяева поля (lugal-gán-me)». Перечисляются 1 сын А, 6 сыновей и 1 дочь В. «Это сыновья поля (dumu-gán-me)». Каждый из них получает индивидуальный подарок в виде 5 ячменных хлебов, 1 пшеничного хлеба, рыбы, молока и т. п.

«Дом Уг вбил свой колышек в стену, масло свое рядом возлил» (речь идет о символическом обряде передачи собственности; аналогичный обряд передачи жезла — buqannum — просуществовал в Вавилонии вплоть до времен Хаммураби).

Б. « $9\frac{3}{4}$ ган из покупного поля] у Эгештинсуда, Дады и Гуниду, сыновей Сирапшумпаэ, «хозяев поля, Луматур (и т. д.) купил».

Указывается цена за ган в ячмене и общая сумма, полученная продавцами, затем состав «подарка» продающей фамилии — в данном случае это «дом Менамунуны».

«Эгештинсуд, Дада (и) Гуниду — это хозяева поля, выборные люди дома Менамунуны (lú-ša(g)-rád é Me-nam-nun-na-ka). Указано по одному сыну каждого из них в качестве «сыновей поля», затем приведены размеры индивидуальных подарков и формула передачи собственности.

В. Луматур покупает еще одно поле того же размера. Семь «хозяев поля», сыновей четырех лиц. Следуют обычные формулы относительно цены, коллективного и индивидуальных подарков, в числе получателей которых два сына одного из хозяев и еще три лица без указания родства. В данном случае покупатель не назван «домом» и заключительная формула гласит: «Базаль (=один из семи «хозяев») колышек их вбил в стену, масло их рядом возлил».

Г. Эта сделка несколько отличается от предыдущих.

« $9\frac{3}{4}$ ган [из покупного] поля — [в том числе (?) столько-то (ган)] — поле пользования (gán-kú); дом Барануду, жены Амарту, пользовался (им)», у 6 лиц с разными отчествами², в том числе одной женщины (?)³, потомков Амарту, sag-panga, — «Луматур (и т. д.) купил».

¹ Lun-ma-tur: чтение не бесспорное, возможно Nun-ma-tur, Nun-ma-banda.

² Отчества не сохранились — заключаю по величине лакуны.

³ Nin-KAL-diri(g).

В предыдущих документах мы уже видели нечто аналогичное этой категории. Так, в ряде документов из Шуруппака (WTF, №№ 34, 36, 38, 40; RTC, №№ 14 и 15) мы встречали родичей или вероятных родичей продавцов, получающих индивидуальные доплаты, или свидетелей, принимающих плату (WTF, № 32, Tx); в документе из Адаба (IfA, № 49) мы видели свидетелей, также принимающих индивидуальные «подарки» и включенных в итоги в число «сыновей PA.USAN», т. е. семейной общины продавцов. Несомненно, что в данном случае получающие подарки «сыновья поля» играют роль свидетелей. Это несомненно уже потому, что в противном случае сделка окажется без свидетелей, что невероятно. Правда, их нет и в документах Энхегала и Эанатума, но то — не договоры, а расходные записи, носящие односторонний характер; документ Лупада несомненно имел свидетелей, и то же вероятно в отношении документа из Дильбата, конец которого не сохранился. Что же касается документов из Адаба и Шуруппака, то все они имеют свидетелей.

Не забудем, однако, что формальные продавцы — только «выборные люди дома», а свидетели, «сыновья поля» — их ближайшие родичи, в большинстве случаев — родные дети. Следовательно, и здесь, как и в документах из Шуруппака, в качестве свидетелей сделки привлекаются лица, лично заинтересованные в объекте сделки — по существу, даже участвующие, как члены семейно-общинного коллектива, во владении им. Очевидно, они привлекаются в целях обеспечить покупателя от возможных с их стороны претензий путем их личного участия в деле, косвенным образом выражающего согласие на него.

Из этого мы должны заключить, что продающие землю коллективы были действительно большими семьями, так как включали значительное количество — в нашем документе от 6 до 14 — взрослых, самодельных и правоспособных лиц, причем нет гарантии, что этим исчерпывается их число.

Здесь уместно будет сказать о том, как мы понимаем термин «большая семья», «большесемейная община». Под этими словами мы понимаем коллектив, связанный общностью происхождения по отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и земельного владения и включающий более чем одну семейно-брачную ячейку. Такие коллективы не могут быть совершенно устойчивыми и неизменными; естественным ходом вещей от них должны постепенно откалываться «малые» семьи; весьма различные размеры этих семейных коллективов и случаи откалывания одного коллектива от другого («дом Дада» в документе из Адаба) достаточно ясно видны из приведенных документов; но в условиях натурального, полупатриархального или патриархального хозяйства такие «малые» семьи — лишь частный случай «больших», в которые они должны неминуемо разрастись. Таким частным случаем можно считать владение прачечника (?) Амарэгаля — сад, купленный правителем Эанатумом. Лишь в тех семьях, которые были связаны либо с наделом на храмовой земле, либо с крупным хозяйством, позволяющим создавать крупные индивидуальные накопления, т. е. в среде храмового персонала или знати, могли иметься основы для существования индивидуальных, а не семейно-общинных хозяйств.

Заметим, что сам Луматур, покупатель в данной сделке, представляет интересную личность. В нескольких надписях он выступает вместе со своим отцом Эанатумом (VS I, №№ 5a — d и 6) — свидетельство его важной роли в государстве; этой чести в Лагаше, кроме него, удостоились лишь первосвященники бога Нингирсу — Дуду и Энентарзи (может быть, сын Дуду) — оба родичи правительского дома¹ и весьма влиятельные

¹ Лугальанда, сын Энентарзи, числил среди своих предков всех правителей Ла-

личности. Вероятно, Луматур был наследником и, может быть, соправителем своего отца. Однако ему не пришлось самому править. Во всяком случае следует подчеркнуть, что нет никаких данных, говорящих в пользу включения купленных Луматуром земель в число государственных: по всей видимости, Луматур, как и его предок Эанатум, покупает землю лично для себя. Да и государственные земли в это время вряд ли можно отождествлять с царскими: мы можем себе представить общую землю сельской общины (впоследствии, при аккадской династии, существование ее доказывается из текстов), но она не была царской даже при более могущественных царях-деспотах аккадской династии и династии Хаммураби; мы знаем храмовую землю, но ее принадлежность правителю оспаривалась еще при Урукагине¹; и уж во всяком случае у нас нет основания считать землю сына правителя государственной.

Прочие документы доаккадского времени дают немного нового по сравнению с привлеченными выше. Приведем некоторые наиболее типичные из них.

VIII. Лагашские покупки домов и другие мелкие покупки

А. (RTC, № 18). Время Энентарзи или Энтемены (?), XXIV в. до н. э.

Содержит две сделки на покупки маленьких садовых (?) и застроенных участков. Покупатель в обоих случаях один, продавцы (индивидуальные) — разные. В первом случае продается участок в 43 *гин* (ок. 25 м²), во втором — в 1 *сар* (ок. 35 м²). Цена в первом случае — 20 *гур мин-уль* (10 *гур саггаль*) ячменя, во втором — 15 сиклей серебра (т. е. около 15 *гур саггаль* ячменя). «Подарок» состоит в первом случае из 2 мин шерсти и 1/2 *гур* ячменя, во втором — из 5 *гур саггаль* ячменя, 1 одежды, масла, пива и др. Кроме того, два лица (обозначенные только по имени) получают по 10 хлебов, и т. д. В первом случае 9, во втором — не менее 11 свидетелей.

Очевидно, что эти сделки ничем существенным не отличаются от обычных сделок из Шурушпака, за исключением высокой цены продаваемых участков, что, конечно, объясняется тем, что здесь оплачивается не столько земля, сколько труд, вложенный в нее в виде насаждений, строений и т. п.

Б. (Ник. I, № 317). Время Лугальанды (?), XXIV в. до н. э.

Купля домового участка (и поля ?) — размеры не сохранились. Цена — 5 сиклей серебра. «Подарки» распределяются следующим образом: трое братьев получают вместе 2 1/2 сикля серебра, шерсть и др.; еще три лица, в том числе жена одного из «хозяев» (?), получают по 5 хлебов и т. п.; должностное лицо «глашатай» (*nimgir*) получает 1/2 *гур саггаль* ячменя, 1 сосуд пива, 30 хлебов и т. д. Это же лицо совершает символический обряд передачи владения. Следуют свидетели, в том числе пшец.

Сделка совершенно аналогична сделкам «Черного камня» Луматура, с той лишь разницей, что ответственное лицо, совершающее обряд передачи собственности, — лицо должностное.

В. (DP., № 31). Время Энанатума II или Энтемены.

Продается 40 *гин* (ок. 23 м²) застроенного участка. Покупатель — Энентарзи, верховный жрец Нингирсу (впоследствии энси Лагаша), продавщица — Ашаг — мать Баранамтары, впоследствии жены энси Лугальанды. Цена — 15 *гур саггаль* ячменя.

Лагаша от Ур-Нанше до Энтемены, а также Дуду; последний был, вероятно, не сыном Энтемены, а сыном или внуком другого жреца Дуду, современника и, вероятно, сына Ур-Нанше, и принадлежал, следовательно, к младшей линии этого рода, однако связанной, надо думать, браком со старшей линией. Первосвященник Энентарзи вступил на престол после энси Энанатума II, и при нем храмовые хозяйства Лагаша были слиты с хозяйством правителя.

¹ См. И. М. Дьяконов, Реформы Урукагины в Лагаше, ВДИ, 1951, № 4, стр. 29.

«Подарки» (до 1 *гур саггаль* ячменя и некоторое количество хлебов) распределяются между Ашаг и ешепестью детьми, в числе которых названа и Баранамтара; несколько меньшие «подарки» получают жрица-наложница (SAL + ME) покойного мужа Ашаг и еще одно лицо; кроме того, «подарок» получает некий Энабзуси, «посланец» (*sukkal*) правителя.

Следует список 23 свидетелей, в том числе названы сын «посланца», сын прежнего верховного жреца Дуду (брат покупателя?), Лугальанда, сын покупателя и ряд лиц храмового персонала (обозначенных только по профессии — пекарь, писец, кожевник, воин — *uku-uš*, слуга — *šil-šu-du*, род жреца — *ge-tú-kar-gá* и т. п. — но не по отчеству) и несколько лиц, обозначенных по отчеству, но не по профессии (за исключением двух писцов) — очевидно, общинников, не принадлежащих к храмовому персоналу¹.

В конце упомянута еще выдача 1 *гур саггаль* ячменя, пива и хлеба «глашатаю», который совершает обряд передачи владения.

Тот факт, что здесь большинство получателей «подарков» — дети одних родителей, следовательно, не обязательно составляют большую семью, не существенен, поскольку, как мы уже указывали, между «большой» и «малой» семей нет в данных условиях принципиальной разницы: «малая» семья — это частный случай существования «большой» семьи. Мы видим, таким образом, все те же самые общественные условия, что и в других рассмотренных нами сделках.

В противоположность условиям, существовавшим в пределах храмовых хозяйств, на внехрамовых землях характерной чертой общественного быта являются родственные отношения между членами первичных землевладельческих ячеек — «большесемейных» общин — и семейно-общинное владение землей внутри сельской общины и «города-государства». Каково соотношение этих семейных общин с сельской общиной и городом-государством — мы рассмотрим ниже.

На храмовой земле, как уже неоднократно указывалось, земельные наделы раздавались в пользование за службу, притом строго индивидуально, отдельным лицам, и родственные отношения вовсе не принимались во внимание. Это была не более как оплата труда или службы, и держатели этих наделов не были вовсе их владельцами; наделы эти могли в любой момент быть отобраны, следовательно, их держатели вообще не имели доли в земельной собственности. Поэтому храмовые наделы никоим образом не могут считаться общинными наделами. Только членов большесемейных общин на внехрамовой земле мы вправе называть общинниками, так как именно из «больших семей» и состояли сельские общины (см. ниже).

Новый момент, вносимый этой группой документов, содержится в роли, которую в них играют «глашатай» (*nimgir*) и «посланец» (*sukkal*). Оба они являются представителями государственной власти (второй из них — даже специально власти правительской, ибо он — не *sukkal* города Лагаша, а *sukkal* лично правителя). Они получают известную уплату, очевидно за разрешение и надлежащее оформление сделки. Ранее, например в документах из Шуруннака, мы также видели должностных

¹ В документах храмовой отчетности члены персонала почти никогда не обозначаются по отчеству, и это не случайно, а связано с тем, что они не имели наследственной доли в общинной земельной собственности и не жили «большими семьями», так как служебные наделы выдавались на храмовой земле в строго индивидуальном порядке.

лиц, получающих долю в уплате, но там можно было с большой долей вероятия предположить, что они привлекаются в тех случаях, когда покупатель — лицо храмового персонала, и сами эти должностные лица были, повидимому, храмовыми. Их роль заключалась, вероятно, в том, чтобы разрешить сделку лицу храмового персонала. Роль *niṅgir'a* в данных лагашских сделках — иная: он совершает обряд передачи титула собственности (или владения) на отчуждаемую землю — функция, которую ранее (см. документ Луматура) выполнял глава отчуждающей землю семейной общины. Это символизирует переход земельных операций под контроль государства, и плата *niṅgir'u* превращается здесь в своего рода пошлину. То же верно и в отношении уплаты *sukkal'u*: он взимает плату на том же основании, на каком энси и тот же *sukkal* взимали, согласно текстам Урукагины¹, плату при обручении и разводе. Невыработанность государственно-правовых понятий приводит к тому, что эта явная пошлина приобретает форму прямого побора л и ч н о в пользу данного должностного лица.

Из документов времени аккадской династии, для понимания которых много дают рассмотренные нами документы и которые, в свою очередь, рельефнее показывают те черты, которые мы отметили как характерные для доаккадского общества, мы остановимся только на одном документе, наиболее близком к рассмотренным выше.

IX. О б е л и с к М а н и ш т у с у (Dél. en Perse, Mém., II, табл. I сл.), XXIII в. до н. э.

Этому документу повезло более, чем другим: он неоднократно переведен и обрабатывался, и ему посвящен ряд исследований². Первый перевод, с фототипической репродукцией и транскрипцией, принадлежит аббату Шейлю, который, однако, совершенно не понял его содержания³. Впоследствии специальные исследования были посвящены обелиску Маништусу Грозным и Флашем, а у нас — акад. Н. М. Никольским и акад. А. И. Тюменевым. Кроме того, данные этого документа неоднократно привлекались и в других работах. Тем не менее по поводу его толкования еще нет полного согласия.

Документ написан весьма тщательным образом на огромном каменном обелиске и содержит запись ряда сделок, совершенных в четырех различных «городских» общинах⁴; соответственно записи этих сделок размещены на

¹ См. И. М. Дьяконов, Реформы Урукагины в Лагаше, ВДИ, 1951, № 1, стр. 28—29 (§ 14).

² См. их сводку о работе акад. А. И. Тюменева О форме земельных отношений по надписи обелиска Маништусу, ВДИ, 1946, № 4, стр. 33 сл., а также Н. М. Никольский, ЧЗЧЗ, стр. 23 сл.

³ Главной причиной этого явилось то обстоятельство, что Шейль не понял простых слов *bêlû eklim* «хозяева поля», написанных простейшими фонетическими знаками *be-lu* и не менее обычной идеограммой *ĜAN*, и перевел это выражение как «сервы поля» на основании значений «жить», «совершать», «кончать», для знака *BE* (другое чтение *TIL*), каковы значения, по мнению Шейля (ук. соч., стр. 8), «подводят к значению „сервы“». Не понял он также группы идеограмм *KU KU-BAVBAR*, которая, вне всякого сомнения, читается *âkil kasrim* «использующие (букв. едящие) серебро»; ср. *lû-âm-kû* «люди, едящие (т. е. использующие) плату» в документах из Шуруппака. Вообще, перевод и транскрипция Шейля содержит много ошибок против аккадской и шумерской грамматики, несогласование падежей, превратно поняты синтаксические конструкции и т. п., и эти ошибки не полностью устранены и последующими обработками.

⁴ «Городскими» общинами или «городами-государствами» мы называем здесь и ниже политические единицы с собственным самоуправлением, существовавшие до объединения Двуречья царями династии Аккада как самостоятельные государства и затем — в пределах царства «Шумера и Аккада» — как основные административные единицы. Другое название, предлагавшееся нами для таких единиц, — «новомые общины». Такой «город-государство» (шум. *ki* «земля», или *uru* «поселение, община»,

четырех гранях обелиска. Тщательность выполнения надписи и грандиозность памятника свидетельствуют о большом значении, которое ему придавалось. Он, вероятно, был поставлен для сохранения в каком-либо храме или другом общественном месте, откуда он, надо полагать, в качестве трофея эламитян впоследствии попал в Сузы. Текст написан, подобно документу из Дильбата, по-аккадски, но в значительной мере зашифрован шумерскими идеограммами (что вообще характерно для староаккадских текстов). Разделяет он с дильбатским документом и другую особенность: одновременным наличием шумерских и аккадских собственных имен часто в одной и той же семье, причем шумерских имен тем меньше, чем моложе поколение; основатели же «домов» («больших семей») обычно носят шумерские имена (иногда же они названы просто по званию, которое, возможно, переходило из поколения в поколение в данной фамилии — ср. PA.USAN в документе из Адаба; имеются и «дома», возводимые к мифологическим родоначальникам — богам и животным).

Причастные лица в подавляющем большинстве случаев очень подробно охарактеризованы генеалогически: указывается не только, чьим сыном является данное лицо, но часто и чьим внуком (имя деда вводится частицей родительного падежа *šu*) и даже вообще потомком (что обозначается знаком IGI).

Покупателем является «Маништусу, царь вселенной» — сын и второй приемник Саргона Древнего.

Документ начинался общими итогами, которые не сохранились. Далее идут сделки, сгруппированные по «городским» общинам.

А. Поселение *Бас* в общине Дур-Син.

а) Продается поле размером 24 бур 7 ган (более 150 га). Цена его (NÍG-ŠĀM, акк. *šim*) указана в ячмене (1463 гур саггаль 48 сила) и в серебре (24 мины 23 $\frac{1}{3}$ сикля); указана также стоимость 1 гур ячменя (=1 сикль серебра). «Приплата» (NÍG-KI-GAR, акк. *watrum*) за поле составляет 3 мины 39 $\frac{1}{2}$ сикля серебра.

Следует перечень «семи мужей, хозяев поля, пользующихся серебром», из которых четверо получают индивидуальные «подарки» (NÍG-BA, акк. *kišum*) — различные ткани; первый (старший) из «хозяев» получает еще серебряный предмет весом в 15 сиклей. Затем перечисляются еще «10 мужей, братьев хозяев поля», не получающих «подарков». Все эти лица обозначены как «внуки Мезизи». Сопоставление генеалогических данных показывает действительный характер их родства. Все «хозяева» принадлежат к потомкам некоего Суммухума, причем «подарок» получает только одно лицо на каждую ветвь этой фамилии, восходящую к одному из внуков (?) Суммухума. Прочие самостоятельные члены фамилии Суммухума хотя и отнесены к «хозяевам», но подарков не получают. Что касается «братьев хозяев», то большинство из них оказываются потомками некоего Ушрара; один «брат хозяев» оказывается потомком той же фамилии Суммухума (вероятно, экономически отколовшимся), остальные трое принадлежат, повидимому, к другим фамилиям, которые, вместе с фамилиями Ушрара и Суммухума, очевидно, и составляют патриархальный род Мезизи. Таким образом, «братья хозяев» — это главы остальных семей, входящих в тот же род, что и отчуждающая землю семейная община.

б) Продается поле размером 45 бур 11 ган (почти 290 га). Цена его 2736 гур саггаль 96 сила ячменя (45 мин 36 $\frac{2}{3}$ сикля серебра). Стоимость 1 гур ячменя — та же. «Приплата» — 6 мин 50 $\frac{1}{2}$ сиклей серебра.

Имеется девять «хозяев поля», в том числе четверо получают подарки: один из них, по званию «старейшина города Дур-Сина», получает серебряный предмет и ткань,

акк. *šim*) представлял собой обычно не одно поселение городского типа, а группу укрепленных поселений-общин, связанных общей территорией и общими органами управления, а также культом главного местного божества, стоявшего над божествами отдельных поселений.

другие — только ткани. Для всех четверых «хозяев», получающих подарки, указано только отчество, поэтому их родство не удастся установить, однако все «хозяева» принадлежат к роду Шиуни. «Хозяева», не получающие подарков, — близкие родичи «хозяев», получающих таковые. «Братьев хозяев» в данном случае нет — очевидно, потому, что род Шиуни не распадался на обособившиеся подроды, как род Мезизи.

в) Продается поле размером 4 бур 1 ган (около 25 га). Цена исчислена, как и в прочих случаях, т. е. $3\frac{1}{3}$ сикля серебра за ган, по 1 сиклю серебра за 1 гур ячменя. Приплата 36 $\frac{1}{2}$ сиклей серебра.

Два «хозяина» поля — потомки Ламума, жреца бога Забабы, — повидимому, кузены.

Следует указать на границы всего купленного в данной общине земельного массива. Так, с запада он граничит с остальной землей того же рода Ламума и с «царским полем», с востока с рекой Тигром и т. д.

Затем указаны свидетели (AB + AŠ GĀN) всех трех сделок. Вначале названо пять местных жителей, из них четверо — родичи продавцов в сделке «б», а пятый, повидимому, — родич продавцов в сделке «в»¹. Сделка «а» не нуждалась в специальных свидетелях из местных жителей, так как их функцию, как и в документе Луматура, выполняют дальние родичи («братья»; в документе Луматура они названы «сыновьями поля»).

Но этии пятью лицами не исчерпывается список свидетелей. Следуют еще 49 лиц по большей части весьма высокопоставленных — например, Алиаху, сын Ибарума, брата царя; начальник стрелков (ŠAGUB LÚ^{giš} TI), начальник копейщиков — (ŠAGUB LÚ GĪŠ-GID-DA), сыновья уммийского и лагашского энси, некий Набпум, сын Иттиди, «первого среди сильных», из Дамикку, художник и писец Месзи, — вероятно, исполнитель самого обелиска — и др. Во главе этой группы лиц стояли «старшина (NU-BANDA) свидетелей» и два «вторых старшины». Все эти лица подытожены как «49 мужей, сыны Аккада, свидетели поля». Это — свидетели со стороны покупателя, со стороны царя.

Текст грани заканчивается формулой: «Поле *Вас* в Дур-Сине. Маништусу, царь вселенной, купил».

Б. Поселение *Парас-серим*² в «городской» общине Киш.

Только одна сделка. Запись о размерах поля, цене и приплате не сохранилась. Покупка производится по крайней мере у пяти родов (Дугдуг, Абуллум, Датум, Ушам(?)-малик, Бу'ум), представленных 11 «хозяевами поля» и девятью «братьями хозяев» (фактически братьями или кузенами «хозяев»). Среди «хозяев» имеется женщина — безбрачная жрица. Все «хозяева» получают обычные «подарки», причем двое получают серебряные кольца по 15 сиклей весом. Массив с одной стороны граничит с землей паревича Месалима.

Местные свидетели в данном случае не перечислены, вместо этого стоит формула: «80 сынов Киша в (городе) Казаллу³ ели хлеб»⁴. Об этой формуле мы скажем ниже.

Следуют все те же 49 царских свидетелей и формула: «Поле *Парас-серим* в Кише. Маништусу, царь вселенной, купил».

В. Община Марад. Поля расположены в различных местностях.

а) Продается поле размером 130 бур (825 га)⁵; цена 7800 гур саггаль ячменя или 2 таланта 10 мин серебра. «Приплату» составляют: 11 штук бронзового оружия, ценой 5 сиклей серебра за штуку, 3 упряжки по четыре осла, ценой по 20 сиклей за осла,

¹ Имя отца этого свидетеля — Ур-Нин, повидимому, — сокращение имени Ур-Нинкар (отчество одного из продавцов в сделке «в»). Однако сам свидетель не входит в фамилию Ламум, так как проживает не в Дур-Сине, а в Кише.

² Букв. «часть степи».

³ Город Казаллу (здесь пишется Kà-za-lu^{ki}) хорошо известен из истории аккадской династии и находился недалеко от Марада.

⁴ Только так, а отнюдь не он (т. е. Маништусу) будет кормить хлебом, как переводят обычно, можно перевести выражение NINDA I-KU (= акк. aklam iklūlū).

⁵ Как видно из итогов.

и т. п. — общей ценой не менее 5 ми́н серебра, не считая ряда предметов, названия которых не сохранились.

«Подарки» получают «26 мужей, хозяев поля, пользующиеся серебром». Старейший из них, являющийся потомком Икилума, правителя (*ensí*) города Марада, получает колесницу с принадлежностями, четверку ослов, серебряное кольцо в 20 сиклей, одежду и бронзовый топор. Прочие получают обычные «подарки» в виде тканей. Все 26 «хозяев» принадлежат к девяти или более фамилиям, ведущим свое происхождение от Пузур-Ушгала, правителя Марада, отца упомянутого выше Икилума, — очевидно, представителя старшей линии его потомков.

б) Продается поле размером 213 бур (свыше 1350 га), цена — 12 780 гур саггаль ячменя или 3 таланта 33 ми́ны серебра¹, при обычной стоимости ячменя (1 гур равен 1 сиклю серебра). «Приплата» — 40 талантов шерсти, ценой в 10 ми́н серебра, 3 серебряных кольца весом все вместе в 1 ми́ну, 13 предметов вооружения ценой в 1 ми́ну 5 сиклей серебра, 3 упряжки ослов ценой в 4 ми́ны серебра, 40 сосудов масла по 45 сила, общей ценой в 3 ми́ны серебра, 5 рабов, 4 рабыни, ценой по 20 сиклей серебра каждый, и одна рабыня-девочка ценой 13 сиклей серебра — всего на общую сумму 21 ми́на 18 сиклей серебра.

«Подарки» распределяются между девятью «хозяевами поля», причем старший получает такой же подарок, как старший из «хозяев» в предыдущей сделке, остальные получают обычные «подарки» тканями. «Хозяева» принадлежат к трем фамилиям, по не обозначены как принадлежащие к одному роду; однако это, вероятно, случайно: писец пропустил строчку с обычной формулой «всего *x* мужей, сынов NN» и начал прямо с «хозяев поля, пользующихся серебром». Принадлежность их к одному роду видна из того, что они имеют только одного старшего.

в) Продается поле размером 17 бур (около 108 га). Цена — 1020 гур саггаль ячменя или 17 ми́н серебра при обычной цене ячменя. «Приплата» — 6 талантов 48 ми́н шерсти ценой 1 ми́на 42 сикля серебра.

«Подарки» получают два владельца — родные братья, лица весьма знатного рода (названо четыре предка, в их числе один «глашатай» — *nimgir*).

Земельный массив в целом с двух сторон граничит с каналами, с третьей — с землей Амалиштাকাля, брата Маништусу, и с болотом богини Нинхурсаг, а с четвертой — с землей какого-то местного храмника.

Выделение такого громадного массива земли (всего почти 23 км²) представляло важную задачу и с технической и с общественной точки зрения, и это нашло отражение в документе.

Помимо «хозяев» отдельных полей, «подарки» (*NIG-BA*) получили еще трое лиц, производивших обмер земли (*LÚ GÁN-GID-DA*), в числе которых — профессиональный землемер (*LÚ EŠ-GID*), писец (*DUB-SAR*) и *sag-nanga*. Помимо них, в деле участвовало 27 свидетелей — глав семейств (*AB + ÁŠ-AB + ÁŠ GÁN*) и еще 32 «мужа города, Марада, «свидетели поля» (*GURUŠ MARAD-DA^{ki} AB + ÁŠ = AB + ÁŠGÁN*); последние разделяются на *DUMU-DUMU AB + ÁŠ-AB + ÁŠ* и на *NU-BANDA ù UGULA*.

Эти три последние подгруппы свидетелей заслуживают специального рассмотрения.

В числе первой из этих подгрупп (главы семейств) есть, повидимому, один или два родича предавцов, но в основном они подобраны не по признаку родства. Это — видные лица города Марада. Здесь мы найдем судью, верховного жреца главного общинного божества, городского старейшину (*AB + ÁŠ URU*), старост и управляющих казенных хозяйств различных поселений этого «города-государства» (Казурак, Ашнанак², Эмарза), управляющего ремесленниками, управляющего кораблями, царского

¹ Т. е. свыше 100 кг серебра.

² Букв. «пшеничное». Не путать с городом Ашнуак (Эшнуа)!

engar'a (заведующего сельскохозяйственными работами), потомков крупных сановников и др.

Ко второй подгруппе («сыны свидетелей» или «сыны-свидетели») относятся также представители видных фамилий. Здесь мы найдем сына уже известного нам землемера, сына верховного жреца, сына «великого посланца» (имеется в виду «посланец» правителя Марада, а не царя), кузена писца, участвовавшего в обмере полей, некоего Лишалума «из ювелиров» и т. п. Повидимому, эти свидетели — тоже представители знатных семей, но не главы фамилий.

Третья подгруппа достаточно охарактеризована в самом тексте. Это — «управляющие и старосты» (NU-BANDA ù UGULA) храмовых хозяйств Марада и окружающих поселений (Баррум, Хархамунак, Марур, Кауллум, Казурак). Почему они отделены от первой группы, в которую, однако, тоже входят «управляющие и старосты»? Полагаем, что они не владели землей вне казенных хозяйств; поэтому, если свидетели первой группы были не только государственными должностными лицами, но еще и гражданами Марада, то свидетели этой третьей группы были только «управляющими и старостами», т. е. видными представителями персонала царского¹ хозяйства. Не все они названы даже по отчеству, и ни для одного из них не назван дед и другие предки.

Этот список свидетелей во всех отношениях представляет исключение, но это объясняется исключительным по грандиозности характером самих сделок. Дело касалось уже не отдельных фамилий, а всей общины Марада, и поэтому вместо родичей в качестве свидетелей были привлечены наиболее значительные лица общины в целом.

После этого перечня трех групп свидетелей (всего 59 человек) и перед перечислением 49 свидетелей со стороны покупателя-царя следует формула: «600 мужей в г. Казаллу ели хлеб; 600 мужей за 1 день, 1200 мужей за 2 дня² в урочище Белибани, дворецкого (?)³ (царевича) Амалиштакаля, ели хлеб. Люди Марада».

Эта формула вызывала наибольшее недоумение комментаторов и до сих пор не может считаться объясненной. По мнению акад. Н. М. Никольского (ЧЗЧЗ, стр. 24 сл.) и акад. А. И. Тюменева⁴, речь идет о том персонале, который будет работать и содержаться на купленной царем земле; персонал этот, по мнению этих исследователей, принадлежит к числу жителей Марада, лишившихся пропитания в силу отчуждения общинной земли. Автор настоящей работы первоначально согласился с таким толкованием разбираемого места⁵. Однако по ближайшем рассмотрении оно вызывает серьезные сомнения, которые сводятся к следующему.

1) Интересующие нас люди в данном случае названы «людьми Марада» (LÚ MARAD-DA^{ki}), но в двух других аналогичных случаях — «сынами Киша» и «сынами Актаба» (DUMU-DUMU KIŠI^{ki}, DUMU-DUMUĀK-TAB^{ki}); между тем, насколько мне известно, сынами того или иного города всегда называются его граждане, общинники, а не члены персонала храмового или царского хозяйства.

2) Упоминание персонала, который Маништусу собирается содержать на приобретенной им земле, было бы совершенно неуместно в договоре купли-продажи. Содержание этого персонала не может быть дополнительным к уплаченной цене обязательством покупателя, так как царь и так

¹ В это время храмовые хозяйства, как известно, уже слились с царскими.

² Буквально «600 мужей 1 дня, 1200 мужей 2 дней».

³ AGRIG = abarakkum.

⁴ А. И. Тюменев, О формах земельной собственности по надписи обелиска Маништусу, ВДИ, 1946, № 4, стр. 35.

⁵ В рецензии на работу Н. М. Никольского, ВДИ, 1949, № 3, стр. 128.

уплатил хорошую цену, даже выше обычной в предшествующее время (3¹/₃ сикля серебра за *ган*, вместо 2 сиклей, которые платил, например, Луматур). В других аналогичных документах имеются случаи *разовой* угощения продавцов и заинтересованных лиц, но они никогда не принимаются на изживание покупателя; если же данные люди, принимаемые здесь якобы на содержание, не были прежними обитателями отчуждаемой земли, то уж совсем нет никакого основания упоминать о них в договоре; кого царь будет содержать на купленной им земле — это его дело.

3) Люди, «евшие хлеб», упомянуты между двумя группами свидетелей¹ — местными и царскими (т. е. перед обычной группой в 49 человек, которые перечисляются сразу после разбираемой формулы). Имея в виду исключительную систематичность нашего документа, крайне трудно предположить, чтобы список свидетелей был прерван формулой, совершенно к вопросу о засвидетельствовании сделки не относящейся.

4) Не только значительная часть «людей Марада», но и упоминаемые в аналогичной формуле другой сделки Обелиска «сыны Киша» «ели хлеб» вовсе не в своей общине, а в Казаллу (где, вероятно, и находился сам Маништусу со своей свитой из 49 «сынов Аккада»). Другой раз «люди Марада» «ели хлеб» также отнюдь не в хозяйстве Маништусу, а на урочище, принадлежащем придворному его брата Амалиштакаля.

5) Несмотря на несколько неуклюжую формулировку, едва ли возможно сомневаться, что выражение «600 eḫlūšu² 1 ūmim 1200 eḫlū šu 12 ūmī» означает, что «ело хлеб» всего 600 человек, но два дня, поэтому (по обыкновению шумеро-аккадского счетоводства) они исчислены как 1200 человеко-единиц. Другими словами, и здесь, как и в ряде более древних документов, речь идет о *разовой* выдаче.

Таким образом, интересующая нас формула имеет отношение к оформлению сделки, и упоминаемые в ней люди получили разовую выдачу. Учитывая все эти обстоятельства, мы полагаем, что речь идет о собрании граждан общины Марад (и в соответствующих случаях других «городов-государств»), которое было создано с целью утвердить сделку, причем прокормление собрания³ царь Маништусу принял на себя. Дело обшуждалось, очевидно, не один день (речь ведь шла об отчуждении 23 квадратных километров!), поэтому участвовавшие собирались три раза — дважды в Мараде, где получили питание на урочище Белибани, придворного царевича Амалиштакаля, и раз — для окончательных переговоров — перед царем в Казаллу.

В свете высказанного предположения, согласно которому 600 «людей Марада» представляют собой народное собрание, делается вероятным, что 27 знатных граждан Марада, перечисленных в качестве первой группы местных свидетелей, представляют собой совет старейшин⁴. То лицо среди них, которое специально обозначено как «старейшина города» (AB+ĀŠ URU) и помещено в перечне после судьи и верховного жреца, могло бы в этом случае быть председателем совета⁵.

¹ А в случае общины Киш — даже вместо одной из этих групп.

² Šu — женский род, šat — староаккадская форма частицы родительного падежа и частицы, вводящей придаточное предложение, которая в «классическом» вавилонском языке звучала как :a.

³ Народные собрания и заседания совета в Шумере и Аккаде сопровождалась угощением, см. И. М. Дьяконов, Государственный строй древнейшего Шумера, ВДИ, 1952, № 2, стр. 29.

⁴ Свидетельствование сделок, повидимому, издревле входило в обязанность городского совета старейшин, см. А. П. Рифтин, СВД, стр. 22; Р. Косхакег, OLZ, 1936, стр. 151. Весьма вероятно, что и в ряде других сделок свидетели, особенно не оплачиваемые (например, «люди изобилия» документа из Адаба), были членами совета старейшин.

⁵ Очень трудно представить себе, почему среди множества перечисленных здесь

Разумеется, 80 человек, «евшие хлеб» при покупке земли в большом «городе-государстве» — Кише (как это указано на грани Б обелиска), не могли быть полным составом его народного собрания. Если предложенное нами объяснение правильно, то это скорее всего сходка граждан поселения (сельской общины) Парас-серим, составлявшей часть Киша, в которой производилась покупка, или какая-либо коллегия народного собрания Киша¹.

Во всяком случае, предложенное Н. М. Никольским и А. И. Тюменевым толкование данной формулы, как нам кажется, не может выдержать проверки. Люди, «евшие хлеб», получили *разовую* выдачу и имели касательство к утверждению сделки, как общественно важного дела. Вероятно поэтому, что они представляли интересы территориальной общины в целом, подобно тому, как обычные свидетели представляли интересы данной семейной общины, родичей или соседей продавцов.

Текст этой грани кончается формулой: «Поле Марада. Маништусу, царь вселенной, купил».

Г. Поле некоего Ишкума в поселении Зиманак в городской общине Актаб.

Одна сделка. Продается поле размером 62 *бур* (несколько более 500 га). Цена — 3820 *гур саггаль* ячменя или 1 талант и 2 мши серебра при обычной цене ячменя. «Приплата» составляет 10% цены.

«Подарки» распределяются между 10 «хозяевами поля», принадлежащими к семи фамилиям; родство их между собой не указано, но возможно, что все они — потомки упомянутого Ишкума, давшего свое имя полю. Один из «хозяев» получает колесницу с принадлежностями², упряжку ослов, серебряное кольцо в 15 сиклей серебра и одежду, его брат — кольцо и одежду, остальные — обычные ткани, кроме одного Пушукена, получающего еще и бронзовое оружие; это исключение объясняется тем, что Пушукен — *sag-panga* и, кроме того, сын еще одного (умершего) брата старшего из «хозяев».

Поле с трех сторон граничит с полями других родов, с четвертой — с каналом.

Следует перечень свидетелей, всего 30 «свидетелей поля, актаб(цев)». Они — не родичи продавцов. В большинстве случаев указана их профессия (староста, тамкар, пастух, плотник) или род (со знаком IGI), восходящий в ряде случаев к мифическим и божественным родоначальникам.

«94 сына Актаба ели хлеб». Следует перечень 49 царских свидетелей и формула: «Поле Актаба. Маништусу, царь вселенной купил».

Таким образом, «Обелиск Маништусу», который обычно привлекается как памятник, рисующий отношения, специально характерные для времен династии Аккада, в действительности составляет одно, самое позднее из звеньев целой цепи однородных документов, относящихся ко всему раннединастическому периоду. И здесь, как и в документах более ранних, мы встречаемся с отчуждаемой земельной собственностью, принадлежащей общинным коллективам, причем эта земля вовсе не находится в верховной собственности царя, — напротив, царь, в случае необходимости, приобретает землю такого рода путем нормальной сделки купли-продажи и платит за нее нормальную существующую цену³.

знатных лиц оказался бы только один член совета старейшин. Терминология общинных должностных лиц в различных «городах-государствах» была несколько различной.

¹ Так, в Ашшуре одновременно функционировала, повидимому, лишь очередная «пятая часть» собрания.

² Отметим, что среди воинов, набравшихся из лиц, живших на храмовой земле, колесничих не было.

³ Другое дело, что царь имел много средств вынудить продавцов пойти на сделку; однако, это не меняет дела с точки зрения отношений собственности.

То, что отличает сделки «Обелиска Маништусу» от более ранних — это их масштаб. И это позволяет нам установить, так сказать, иерархический характер общинной земельной собственности.

В сделках в масштабе одного индивидуального земельного надела (составляющего, как мы видели, на общинной земле до 7 га) в качестве продавцов выступают глава или главы одной семьи — так в сделках из Шурупака, в мелких сделках из Лагаша и в ряде сделок времени аккадской династии, которые мы в данном случае опускаем, поскольку они уже не приносят ничего к нарисованной картине¹. Но эти главы семей не являются единственными собственниками отчуждаемой земли, и в качестве участников сделки — получателей различного рода выплат — выступают и остальные члены семьи, а прочие родичи по отцовской линии, не входящие непосредственно в данную семью, охотно привлекаются в качестве свидетелей сделки, также получая уплату (в отличие от привлекаемых иногда свидетелей — не родичей, которые уплаты не получают).

Если сделка касается большего участка земли, превышающего размеры надела одной семьи, то в качестве продавцов выступает уже целая большесемейная община или патриархальный род, «дом» (шум. é). Непосредственно сделка заключается опять-таки представителями семей, «выборными людьми» дома, а прочие сородичи получают дополнительную плату, в качестве участников в собственности и свидетелей. В особо крупных сделках, как, например, в «Обелиске Маништусу», можно проследить существование нескольких родственных большесемейных общин, отколовшихся от одного патриархального рода и иногда еще владеющих землей совместно, но чаще всего — раздельно.

И, наконец, в случае особенно больших продаж земли в сделку вовлекается уже целая сельская община (иги^{k1}), или даже объединяющая все сельские общины «городская» («номовая») община, или «город-государство», как в случае с Марадом. Если в качестве собственно продавцов и получателей приплат выступают и здесь главы семейств, то в число свидетелей привлекаются уже представители самых различных знатных родов «города-государства», а сама сделка должна быть одобрена его народным собранием, члены которого, совершенно как свидетели-родичи при мелких сделках, получают разовое угощение.

Это показывает нам и структуру «города-государства» раннего Двуречья: оно распадалось на отдельные общины, например Лагаш — на общины Гирсу, Урукуга, Наше, Киунир, Э-Нинмар, Гуаба и др.; в составе Дур-Сина мы видим поселение Бас, в составе Киша — поселение Парас-серим и т. д. Земля каждого поселения разделяется на земли патриархальных родов (например, «дом Мезизи»), а те, в свою очередь, — на земли отдельных больших и малых семей («дом Суммухума», «дом Уг» в Лагаше и т. п.).

Каждый из этих коллективов владеет, пользуется и распоряжается выделенной ему землей из рода в род и может отчуждать ее, последнее — с ведома вышестоящего коллектива. Верховным собственником всей земли является «городская» община — «город-государство» в целом. Хотя царь во времена династии Аккада и стоит уже над всеми «городскими» общинами, но, как мы указывали в другом месте², общинные органы отдельных

¹ Н. V. Hilprecht, OBI, I, табл. VII—VIII; I. J. Gelb, MAD, I, №№ 45, 50—52, 58, 67, 74, 111, 128, 161, 168. Хотя в этих фрагментированных документах часто встречаются индивидуальные продавцы, но продажа земли из семейного владения все же, по видимому, остается правилом и здесь.

² И. М. Дьяконов, Государственный строй древнейшего Шумера, ВДИ, 1952, № 2, стр. 23 сл.

«городов государств» продолжают сохранять полную силу, и им, а не царю принадлежит осуществление права собственности на общинную землю.

Отдельные семьи общинников давно уже не были равны между собой по имущественному и социальному положению. Уже «документ Энхегала» показывает нам выделение родовой знати, владевшей большими участками земли, и то же подтверждает и «Обелиск Маништусу». Однако и у родовой знати земельные владения носили семейно-общинный характер; более того, можно предполагать, что именно сохранение подобных общинных порядков и родовых связей и было причиной могущества родовой знати, столь отличной от более поздней, служилой знати.

И внутри отдельных семей существовало имущественное и социальное неравенство; хотя главы родов и выступают еще в Лагаше как «выборные люди дома», однако, им достается львиная доля платы за продажу земли и, надо думать, также и львиная доля дохода в семейно-общинном хозяйстве. В «Обелиске Маништусу» рядовые члены семейств, по существу, отстранены от материального вознаграждения за сделку.

Очевидно, что здесь перед нами совершенно иные отношения, чем те, которые обнаруживают документы внутренней храмовой отчетности (индивидуальное пользование мелкими наделами за труд и службу или за уплату доли урожая, с произвольным распределением участков храмовой администрацией). Не случайно в сделках продажи земли мы встречаем также должности, как *sag-nanga*, «общинный старейшина» (AB + ÅŠ URU «член» или «глава совета старейшин»), «общинный пастух»¹ и др., которые никогда уже не встречаются в это время в составе должностных лиц храмового персонала.

В документах о купле-продаже земли мы имеем дело с землей по-прежнему общинной, и в то же время совершенно отличной от тех трех категорий земли — *nig-en-na*, *kur₆* и *uru₄-lal*, — о которых говорилось в начале статьи; эти последние три категории земли нужно отнести к земле не общинной, а храмовой (позже — царской). Очевидно, что тот расцвет частного землевладения, который мы наблюдаем в Двуречье с начала II тысячелетия, не мог развиваться на основе землепользования на храмовой, а затем, — когда храмовые хозяйства при династии Аккада были поглощены царским хозяйством, — на царской земле, так как царская и храмовая земли были неотчуждаемы; если во времена Урукагины большая часть трудящегося персонала храма не только принадлежала еще к лично свободным людям, но и пользовалась земельными наделами, то в дальнейшем их положение все ухудшалось, и в конце III тысячелетия до н. э., при III династии Ура, все работники царско-храмового хозяйства не отличимы от рабов, а земельными наделами пользовались в нем только люди более или менее привилегированные — жрецы, воины и т. п. Но и в этом случае нет никаких данных, чтобы их участки могли бы быть вырваны из состава царского хозяйства, поступить в оборот и фактически стать частной землей их владельцев, т. е. тем, чем являлись земли едва ли не большинства населения Двуречья в начале II тысячелетия до н. э.² Обширные царские земли, хотя и эксплуатирова-

¹ Главный пастух поселения Кшар (*nâkid Ki'ar^{ki}*) упоминается в документе о покупке множества мелких участков земли из Сиппара; там же говорится, между прочим, и об общинной земле. Издан в копии со слепка Н. В. Нилгрехт, OBI, I, табл. VII + VIIIa и в очень несовершенных транскрипции и переводе V. S ch e i l, *Rec. de trav.*, XXII (1900), стр. 29 сл.

² О характере собственности в Двуречье начала II тысячелетия до н. э. и соотношении между общинной собственностью, с одной стороны, и частной собственностью и частным владением в пределах общины, с другой, см. комментарий И. М. Дьякова и Я. М. Магазинера к «Законам Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», ВДИ, 1952, № 3, стр. 267 сл.

лись в это время иначе, чем раньше, существовали наряду с землями частных лиц, членов общин, и во II тысячелетии до н. э. и продолжали делиться на те же три категории, что и раньше (собственно царская земля, наделы за службу, наделы за долю урожая)¹.

Очевидно, что вавилонское частное землевладение возникло из шумерско-аккадского семейно-общинного землевладения путем распада (в пределах сельской общины) больших семей, в связи с усилением имущественной дифференциации и ростом патриархальной власти глав семейств. Следы семейно-общинных отношений, как указал Н. М. Никольский (ЧЗЧЗ, стр. 60 сл.), наблюдаются в частном землевладении еще и во II тысячелетии; с другой стороны, многие сделки времени аккадской династии, которых мы здесь не касались, показывают, что индивидуализация земельных владений происходила уже и в течение III тысячелетия.

Как нами уже указывалось, вне храмовых хозяйств жило более половины населения Двуречья; здесь господствовали отношения, которые нам рисуют сделки купли-продажи земли. Совершенно очевидно, что при изучении социально-экономической истории Шумера и Аккада необходимо учитывать эти отношения не в меньшей мере, чем отношения внутри храмовых хозяйств.

Чей труд применялся во внехрамовых хозяйствах, каково было соотношение между храмовыми хозяйствами и существовавшим за их пределами общинным хозяйством и какую роль здесь играла естественно и искусственно орошаемая земля («высокие поля») — этому вопросу будет посвящен следующий очерк.

¹ Они назывались eḫlum ša rēš êkallim ukallū, eḫlum kurummatum, e keš isihim.